

Иван Елагин

Под
Созвездием

Топора

Иван Елагин

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ
ТОПОРА

Избранное

ПОСЕВ

Обложка работы художника Николая Сафонова

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1976
Frankfurt/Main
Printed in Germany

Сергею Бонгарту
другу и художнику
посвящаю эту книгу

ПО ДОРОГЕ ОТТУДА

Апрель! Я болен этой датой!
За крышей — голубой клочок,
И грач слетел как завсегда
На облюбованный сучок.

Кричит — и на гортанный вызов
К нему сородичи спешат,
И хлещет жижица с карнизов,
Как будто вылили ушат!

Очнутся люди, хлынут песни
И вскроют окон переплет.
Зашевелись скорей и тресни,
Души осунувшийся лед!

Эти облитые кровью
Клены у изголовья!
Эти деревья — вымысел!
Это художник выместил
На пятипалых листьях
Желчную горечь кисти!

Но, скомканы и ветхи,
Облупливаются ветки
То киноварью, то охрой
На подоконник мокрый...

Всё выговорит пригород!
Выговорит и выгорит!

Еще ломаем руки в гневе,
И негодуем, и клянем,
Но в лабиринте ежедневий
Отупеваем с каждым днем.

И равнодушие изведав,
Не захотим поднять копья.
И внуки позабудут дедов,
Как позабыли сыновья.

О Россия — кромешная тьма...
О куда они близких дели?
Они входят в наши дома,
Они щупают наши постели...

Разве мы забыли за год,
Как звонки полночные били,
Останавливались у ворот
Черные автомобили...

И замученных, и сирот —
Неужели мы всё забыли?

Муза мстит. Всю дневную склоку,
Мышью скупость, кривые кивки —
Помнит всё, и поставит в строку,
И не вымолишь ни строки.

Не заметишь птицу ночную,
Севшую на ветлу,
И уже не встанут вплотную
Облака к твоему столу.

Поперек завалено щебнем,
Стенами заслонено...
А давно ли окном волшебным
Было твое окно,

Открытое по утрам
Всем четверем ветрам?

Отталкивался дым от папирос
И обволакивал изгибы кресел,
И медленно приподымаясь, рос
И облаками комнату завесил.

Редели стены, ширился провал,
И море выросло посередине.
И голос женщины повествовал
О нелюдимом Александре Грине.

О гаванях, где каждый парус пьян,
Где родина несбывшаяся наша,
Где в бурной тьме безумствовал Аян
И Гнор ступил на побережье Аша.

Туда, к архипелагу непосед!
В страну задумчивых и окрыленных!
Привет переплывающим Кассет
На кораблях по горло нагруженных!

Идти, отстаивать за пядью пядь,
Бродяжничать и промышлять разбоем,
Наскучит — ветром паруса распять
И выйти в море с лоцманом Битт-Боем!

Когда ж на бриг обрушится норд-вест —
Бороться в рукопашную с волнами,
И побеждать! И видеть Южный Крест,
Рукою Бога поднятый над нами!..

МОЯ ПЕПЕЛЬНИЦА

Отчего, не знаю, взоры
Неожиданно привлек
Этот звякающий шпорой,
Этот бронзовый сапог!

О бреттерах и о мотах
Рассказали, как слова,
Кружева на отворотах,
Щегольские кружева.

А за окнами всё то же:
Тот же тополь, тот же дом,
Тот же сгорбленный прохожий,
Тот же двор, покрытый льдом...

С глаз долой! Спустите шторы!
Мы устроим век иной!
Здесь сегодня мушкетёры
Побеседуют со мной!

Попрошу, чтоб рассказали
Всё, что знали на земле:

О боях, о кардинале,
О надменном короле,

О дорогах, и тавернах,
И аббатствах вековых,
О любовницах неверных,
О дуэлях роковых!..

У бочонка сядут гости,
Будет смех и стук костей,
И монет тяжелых горсти
Лягут в складках скатертей.

Все растает на рассвете,
Как бургундского пары,
И останусь я, да эти
Стены, книги и ковры...

За опущенною шторой
Я до утра лампу жег,
Оттого, что звякнул шпорой
Мушкетерский сапожок!

Как руки — властители клавиш,
Как ветер моря подчинил —
Так ты этой ночью возглавишь
Веселую бурю чернил!

Ты странствовать не перестанешь,
Куда бы рассвет ни завез...
О сколько для Музы пристанищ
У гор, океанов и звезд!

Чернильница! Досталось и тебе
Волнений от сегодняшнего полдня!
Он простучал капелью по трубе,
Тебя до края звонами наполня!

Он целый час надоедал окну
Потрескиваньем падающих льдинок!
Опять перо в чернила окуну
И вызову весну на поединок!

И буду спотыкаться о софу
И нарушать расположение стульев,
Чтоб взять измором первую строфу,
Ее в пустом углу подкараулив!

И снова буду, ночи вопреки,
Бродить по изнуренным коридорам!
Как образумить вас, черновики?
Какой избрать? Смириться на котором?

Уже рассвет! Уймись. Не бормочи.
Прислушайся: там шевелится город,
И с Нестеровской шальные грачи
Тебе кричат, советуют и вторят!

ОКТАВЫ

Парк лихорадил. Кашляли, ощерясь,
Сухие липы. Ветер, озверев,
Кидался, переваливаясь через
Ограду парка, на стволы деревьев
И там шумел. В такие ночи Эрос
На смертных свой обрушивает гнев
И мечет безошибочные стрелы
В пределы сердца. В сумрак застарелый.

Я путал за аллею аллею
И все пытался отыскать скамью,
Твою скамью, которую не смею
Забуть, которой запах узнаю,
Чтобы до утра выстоять над нею,
Чтобы заставить молодость мою
Хотя бы обернуться напоследок
И мне кивнуть из каменных беседок.

Немногое мы называем благом,
А счастья не надобны слова.
Мы низом шли, ступая по корягам,
И моего касалась рукава
Твоя рука. Спускающимся флагом
Тонула осень в логовище рва.
А ров был мир находок и разведок.
Ты шла и капли стряхивала с веток.

Когда бы знать, куда мы счастье денем,
Его и на неделю не продля!
Зачем тебя избрали мы владеньем,
Диковинная горькая земля?
Зачем вином наполнены осенним
Как праздничные чаши, тополя,
Когда разлукой вымостили боги
Все тропы, все пути и все дороги?

Когда бы знать, что, все оставя, кинусь
В твои овраги, заросли, репы!
Здесь и деревья просят: «Возьми нас,
Веди к ней — мы свидетели твои!»
И два листа навстречу ветер вынес
И положил на краешек скамьи...
Благодарю, внимательные листья,
Протянутые руки бескорыстья!

В парадном ночь и стужа. В две коптилки
Горит окно на верхнем этаже.
А тополя — обломанные вилки
Нечищенного темного фраже.

От пешеходов улица отвыкла
И ночь забыла паровозный свист...
Чу! За углом — возня у мотоцикла,
И удаляется мотоциклист,

И глухо вновь... Скорее дьявол взял бы
Весь этот мир, весь этот тусклый хлам!
Как бы в ответ — заносчивые залпы
Перерубают воздух пополам.

Одеялом завешены стекла,
Тишина стоит у плеча.
Скудный луч на томик Софокла
Клонит нищенская свеча.

Всё пугают огнем да газом —
Нос не высунь из норы!
Лучше б бомбы и газы разом,
Да и к прадедам в тартарары!

Милый ад: ни пушек, ни ружей...
Старый ад с хромым сатаной!
Чем он хуже кровавой лужи,
Именуемой — шар земной?

Мы едем. Улицею ли?
То мостовая или ад?
Автомобиль, юли, юли
Между столбов и баррикад,
Между рогаток наугад —
Врывайся в этот непрогляд!

Что там чернеет поперек?
Канавы, вывески иль ров?
Не сбережешь ни рук, ни ног:
Тут собирает ночь оброк
С автомобильных катастроф,
С перевороченных дорог!

Скабрезно каркнув, пролетает грач
Над улицами, проклятыми Богом,
Над зданиями, рвущимися вскачь
Навстречу разореньям и поджогам,

Над рухлядью ненужных баррикад,
Над остовом обугленным квартала,
Откуда пламя рвалось наугад
И чердаки окрестные хватало...

И судьбы, и жилища сметены.
И там, в нечеловеческом закате,
С перегнутой над улицей стены
Свисают заржавелые кровати.

Всё помню об этих ивах.
У каждой — врожденный вывих.
О как обнимала ты их!

Там берег песчанен и плосок,
Там мост переброшен из досок,
Там песни повис отголосок.

И тянутся версты и версты
Озер и кустарников черствых.
И всё это — ивовый остров.

Там ялик у берега хлюпал,
И месяц веселый и щуплый
Обшаривал узкие дупла.

А если сегодня он выплыл,
То он не веселый, а гиблый:
Там пушки беседуют хрипло!

От каждого дерева — гулы!
И с каждого дерева — дуло!
От каждого — смертью подуло!..

Осунувшись и сгорбясь и унизясь,
Дома толпятся по очередям
И нищеты жестокий катехизис
Твердит зима базарным площадям.

А рядом бой. Полнеба задымил.
Он повествует нам высоким слогом
О родине. И трупы по дорогам
Напрасно дожидаются могил.

КАМАРИНСКАЯ

В небо крыши упираются торчком!
В небе месяц пробирается бочком!

На столбе не зажигают огонька.
Три повешенных скучают паренька.

Всю неделю куролесил снегопад...
Что-то снег-то нынче весел невпопад!

Не рядить бы этот город, — мировать!
Отпевать бы этот город, отпевать!

Там небо приблизилось к самой земле,
Там дерево в небо кидалось с обвала,
И ласточка бурю несла на крыле,
И лестница руку Днепру подавала.

А в августе звезды летели за мост.
Успей! Пожелай!.. Загадай! Но о чем бы?
Проторенной легкой параболой звезд
Летели на город голодные бомбы.

Слова, что камень — никогда не дрогнут.
Я их ваял, всю нежность соскребя.
Мой бедный стих! Ты наглухо застегнут.
Какие ветры распахнут тебя?

За то, что я прикинулся поэтом,
За то, что музу называл сестрой,
За то, что в мир ушел переодетым
В чужое платье, на чужой покрое —

Мой каждый слог мне ложем был Прокруста!
Мой каждый стих рождался чуть дыша!
Смирительной рубашкою искусства
Спеленута свободная душа.

Мой горизонт словами был заставлен.
Они всё солнце заградили мне!
Затем чтоб стих был набело исправлен,
Вся жизнь моя заброшена вчерне.

Я предал жизнь! Обиду за обидой
Я наносил ей сам своей рукой!
Я приказал ей быть кариатидой,
Согнувшейся под каменной строкой.

Кончается ночь снеговая,
И крыши всплывают грядой.
Звезда над дугою трамвая
Дрожит Вифлеемской звездой.

Ночь канула, с места не тронув
Двухтысячелетней канвы,
И где-то с вокзальных перронов
Выходят седые волхвы,

И елка в окне магазина
В плену золотого дождя...
Но старые три господина
Ушли, никого не найдя.

Н. Ж.

Их было много — золотистых ливней.
Тебя ломали страстные струи,
Но с каждым днем глядели все наивней
Глаза ошеломленные твои.

Я шел на них! И падал под ударом!
(Господь, глаза ее умилосердь!)
Так тянутся к автомобильным фарам,
Несущим ослепительную смерть.

Я шел на них! А ветер плыл гигантом
И оставлял на мокрых тучах шрам,
И в сумерках бродячим музыкантом
Ходила осень по пустым дворам.

Я знал, что поздно! Знал, что ставка бита,
Что счастье изменяет игроку!
Но я бросался счастьем под копыта,
Чтобы остановить на всем скаку!

И знал: его уже не остановишь!
Мелькнет! Ударит! Рухну! Наповал!
Из всех небесных, всех земных сокровищ
Я только глаз твоих не целовал.

Каштановым конвоем
Окружено окно,
И вся земля запоем
Пьет красное вино.

Мой голубой автобус
Уходит на бульвар.
Как мне понятна робость
Его туманных фар!

Он весь как на эстраде
Под рыжей бахромой.
И люди в листопаде
Не ходят по прямой.

От парка и до парка
Он ветрами несом.
И осень как овчарка
Бежит за колесом.

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
И на путях дымятся груды шпал
И проволока вянет на заборе.

Они молчат — свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.

Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится — и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Памяти дочери

Так ненужно, нелепо, случайно
Разлетаются дни как пыльца.
Детский гроб и снега Алленштайна —
Вот чему не бывает конца.

Там в снегу, как в тумане, как в дыме
Мы по улицам тесным идем.
Там короткое выжжено имя
На кресте раскаленным гвоздем.

Может быть, мы сидим и поныне
Там, в пустом неприглядном кафе,
И нам снится — мы где-то в Берлине,
Присужденные к аутодафе...

Пусть состаримся мы в Сингапуре,
Но со всех отдаленных окраин,
Через все океанские бури
Мы пробьемся к тебе, Алленштайн.

Наше место за столиком свято!
Ты продрогла, я тоже продрог;
Ты нам налил, трактирщик, когда-то
Этой смеси, похожей на грог...

Мы к тебе по дороге о т т у д а . . .
И расскажем мы, сидя в тепле,
Как мы наше короткое чудо
Незнакомой отдали земле.

Спят на фасаде даты.
Перед фасадом щебень.
Жил в этом доме когда-то
Гофман фон-Фаллерслебен.

Тесная деревушка.
Вывески крыты ржою.
Снова судьба — кукушка
Ткнула в гнездо чужое.

«Deutschland über alles»
Кто-то вписал любовно
Там, где в кирпич вплетались
Выкрашенные бревна.

.....

Стремителен и придушен,
По улицам и полям,
От комнат и до конюшен
Метался панцер-аларм.

Казалось, обвисли нервы,
А он еще истязал!
Встал на дороге первый
Бронированный ихтиозавр.

Горячий, отяжелелый,
Он грузно пополз по песку,
Сверкая звездой белой
На обожженном боку.

И мы, на него глаза,
Стояли ошеломлены
В этом страшном музее
Окончившейся войны.

Когда он пропал за сараем,
Ты, обратясь ко мне,
Сказала: «Давай, погадаем
По надписи на броне!»

И как бы в ответ он прямо
Вырос из-под земли.
И мы прочли «Алабама»,
И в сторону отошли.

От океанских закатов
До садика за углом
Он небо далеких штатов
Пронес над своим жерлом.

.....

Так же тускнеют даты.
Верно, убрали щебень.
Жил в том доме когда-то
Гофман фон-Фаллерслебен.

А мы уже в сотом доме —
Маемся кое-как.
Нет для нас дома, — кроме
Тебя, дощатый барак!

В какую трущобу канем?
Кто приберет к рукам?
Скоро ль конец гаданьям
По танкам и по штыкам?

И чёрт ли нам в Алабаме?
Что нам чужая трава?
Мы и в могильной яме
Мертвыми, злыми губами
Произнесем: «Москва».

Я проходил по улицам чужим.
Из подворотен выплывала сырость.
И вот, как вечность неопровержим,
Крутой собор передо мною вырос.

Он говорил: ты наглухо прибит
К тяжелому, заплаканному миру.
Сойди на миг с твоих земных орбит,
Плыви со мной по звездному пунктиру!

Он делался всё выше и острее,
Он в небесах искал себе упора,
И я сгорал на каменном костре
В средневековом пламени собора.

А рядом содрогалась от стрельбы
Моей земли последняя дорога.
Мне в эту ночь клялись в садах дубы,
Что близок день, что мы увидим Бога.

Лужицы как цинковые миски.
С крыш, с деревьев, с проводов течет.
По камням дожди как машинистки
Отстучали годовой отчет.

На ходу влетают мне за ворот
Два кленовых солнечных листка.
Это осень оставляет город,
Вдоль дорог бегут ее войска.

И вослед уйдут последним взводом
Белые листки календарей,
И воскликнут люди: «С новым годом!»
Чтобы стать еще на год старей.

Облетают мысли с каждым шагом.
Прохожу по скверам не спеша.
Скоро выйдет к миру с белым флагом
Перемирье заключать душа.

От полустанка до полустанка
То водокачка, то вагонетка,
Полка, бутылка, консервная банка,
Поле да поле, да изредка ветка!

От разлуки до разлуки,
От судьбы и до судьбы
Взяли душу на поруки
Телеграфные столбы!

Телеграфные столбы —
Соглядатаи судьбы!

Ветер бреющим полетом
Бьет по спинам поездов
И поет, поет по нотам
Бесконечных проводов!

Пой на тысячу ладов,
Ветер нищих! Ветер вдов!

Ты — подброшенная монета,
И гадают Дьявол и Бог
Над тобою, моя планета,
На какой упадешь ты бок.

Ты летишь! Ты попала в штопор,
Не раскрылся твой парашют.
Затрещала твоя Европа,
И портные твои не сошьют.

В торжествующем урагане
Голос Бога уже невесом.
Ты в космическом балагане
Стала чёртовым колесом.

По тебе пробегают танки,
И пожар по тебе клубит,
И уже отдаленный ангел
Над тобой в вышине трубит.

Этот день — он настанет скоро!
И в последнем огне горя,
Разлетятся твои соборы,
Министерства и лагеря...

Но не слышит земная челядь,
Что уже распаялась ось:
Что-то мерит и что-то делит,
Что-то оптом и что-то врозь...

И молиться уже бесполезно,
Можно только кричать в небеса:
— Зашвырни нас куда-нибудь в бездну,
В бездну с чёртова колеса!

Кому-то кто-то что-то доказал
И убедил кого-то кто-то в чем-то.
Стоит с пробитой крышею вокзал
И всюду хаос Божьего экспромта.

Наказывай! Нас не прельщает рай,
Твой тихий рай, Твой остров голубиный!
На головы нам молнии роняй!
Топи в морях! Гони нас в рай дубиной!

Во имя человеческой тоски
Мы отречемся от Твоей опеки,
Чтоб драться вновь за рыжие пески,
За облака, за голубые реки!

Сжигай до тла! Мы выдержим напор.
Гори, земля! Клянусь над пепелищем:
Мы первобытный каменный топор
В тысячелетних залежах отыщем!

Мы выстроим наш непутевый рай!
Наш дымный рай! Мы не хотим иного!
Останови! Разгневайся! Карай!
Нам по счетам выплачивать не ново!

Твоя цена не будет дорога.
Платили мы, и всё сполна заплатим
За наше право убивать врага
И другу отвечать рукопожатьем.

Что останется? ржавчина свалок,
Долгий голод, рассказы калек...
И подумают дети, что жалок
Был прославленный пулями век.

Что им скажут какие-то числа
Покоробленных временем дат,
Там где криво дощечка повисла
Над твоею могилой, солдат?

И никто не узнает, что душу
Ты отыскивал в черном бою,
Там где бомба хрипела — «разрушу»,
Там где пуля свистела — «убью»...

Где прошел ты, весь в дыме и пепле,
В дыме боя и пепле седин,
Там где тысячи гибли и слепли,
Чтобы солнце увидел один...

Бомбы истошный крик —
Аэродром в щебень!
Подъемного крана клык
На привокзальном небе —

Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
Танки прошли по полю.
Запертое в острог,
Рвущееся на волю —

Ты, мое столетие!

Ищущее конец,
Бьющееся в падучей,
Мученический венец
Проволоки колючей —

Ты, мое столетие!

Кручу за пядью пядь
Брали. И вот со склона
Ринувшееся вспять,
Все растеряв знамена,

Ты, мое столетие!

Брошенное на штык,
Дважды от крови ржавый,
Загнанное в тупик
Дьяволовой облавой —

Ты, мое столетие!

Царственные века
Были твоим подножьем.
Продано с молотка,
Выжжено гневом Божиим —

Ты, мое столетие!

Кости с тобою сложим!

Плоть от плоти твои,
Шиты твоим покроем.
Бурей своей пои!
Кровью своей напоим!

Верности клятву прими,
Ты, мое столетие!

Кто нам солгал, что умерла война?
Кто опознал ее среди усопших?
Еще по миру тащится она
И рядом с ней ее хромой сообщник.

Она идет за нами по пятам
И валит нам на головы руины,
И к пароходным тянутся бортам
Блуждающие в океанах мины.

Она лежит на дне сырого рва
В гранате, как в заржавленном конверте.
Не верьте ей! Она еще жива,
Жива еще, беременная смертью!

Украденную юность доконав,
Она и правду на земле задула.
Еще столетье будут из канав
Глядеть на нас зевающие дула!

О сколько раз еще из-за угла
Нас оглушат по черепу и ребрам,
Чтоб эти двое, глядя на тела,
Обменивались хохотом недобрым!

Луна огибаёт барак.
Какого-то сна отголосок
Донесся из груды коряг,
Из чёрного штабеля досок.

То ночь занялась грабежом,
И я уже вижу и слышу,
Как длинным зелёным ножом
Луна перерезала крышу.

Ты вынырнешь из-за угла
И грязь этих улочек выдашь.
Куда тебя ночь завела?
Ты плачешь, небесный подкидыш!

Ты тянешь алмаз по стеклу
И близишься все вороватей,
И чертишь на голом полу
Тоску двухэтажных кроватей.

Ну что, разглядела вблизи?
Теперь убирайся за сосны!
Оттуда сквози. Погрузи
Навеки в раствор купоросный.

Как хочешь, меня озирай.
Но только, ты слышишь, не сетуй!
Мне домом не этот сарай,
И ночью дышу я не этой.

Над ветлами, над ульями,
Над липами, над пчелами
Гудело утро пулями
Свинцовыми, тяжелыми.

Трещало автоматами,
Глушило минометами,
Кто прятался за хатами,
Кто жался под воротами,

А мертвые — кто во поле,
Кто брошены на отмели...
Прохвастали, прохлопали,
Чуть полстраны не отдали!

Родимые, да что ж это?
Никак земляца наша-то!
Вся жизнь на вобле прожита,
А пушек-то не нажито!

Была ж Россия мамонтом,
А не прошло полвеку-то —
Сожгли тебя! От сраму-то
Тебе деваться некуда!

Обрадовались, грабили,
А непокорны ежели,
Мужик ли это, баба ли —
На перекрестках вешали!

Как у своих-то перчено,
А у чужих-то солоно!
Как из огня теперича
Попали мы да в полымя!

Из-под кнута-то отчего,
Да под дубину отчима!
Тот Соловками потчевал,
А этот смертью потчует!

Коль две скрестились гибели,
Какое сыщешь снадобье?
Одну мы гибель выбрали,
Коль выбирать уж надобно!

Вячеславу Завалишину

Уже закаты буйствуют по кленам,
Уже дрожит святая гладь чернил,
И сердца предосенние знамена
Необоримый ветер накренил.

И сердце снова выдумками бредит,
Но день пройдет, как проходили все,
И тот же самый грузовик проедет
По асфальтированному шоссе...

Оставлю дом. Стучаться буду в сотни
Чужих дверей, но дома не найду,
И где-то в самой грязной подворотне
Мне суждено споткнуться о звезду.

Мой скудный мир! Он обернется щедрым,
И станет на мгновение видна
Береза, захлебнувшаяся ветром,
Возникшая из черного вина.

И в память мне листвою она ворвется,
И детством, и оконцем, и крыльцом,
И крышей, и бревенчатым колодцем,
И матери исплаканным лицом.

И прошумит родительским порогом:
— Мой бедный сын! Тебя зовут сады.
Мой бедный сын, идущий по дорогам,
Оставленный на произвол звезды!

Пока не заткнули кляпом
Клокочущий рот, пока
Не выгнали в ночь этапом
Под окрики с броневика,

— Загнаны в вагоны,
А все-таки живем! —
Пока, как в огонь, в вагоны
Не побросали живьем,

Пока не сбиты кучей
За проволокой колючей
И сыновья и дочери
Под пулеметные очереди —

Пока еще есть выход,
Выход и тьма выгод:
Стеклышком обыкновенным
(Только острей выточь!)
Раз полоснешь по венам —
И никаких выдач!

Лучше массой аморфной!
Назад отступить — куда ж?
Пока еще есть морфий,
Веревка, шестой этаж —

Пока еще не на слом,
Дышим еще покамест —
Гневу псалом!
Ненависти акафист!

Родина! Мы виделись так мало,
И расстались. Ветер был широк,
И дорогу песня обнимала —
Верная союзница дорог.

Разве можно в землю не влюбиться,
В уходящую из-под колес?
Даже ивы как самоубийцы
С насыпей бросались под откос!

Долго так не выпускали ивы,
Подставляя под колеса плоть.
Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь.

Мне девять лет. Я только что с перрона.
Я в первый раз на даче под Москвой.
Взлетевшая на каланчу ворона
Мне кажется огромною совой.

И месяц левитановский над стогом
Так робок, что не движется почти.
Он сам не знает, по каким дорогам
Ему придется в эту ночь идти.

— Ты видишь тракт? По нем когда-то с юга
Татары приходили на Москву.
Я слушаю и жмурюсь от испуга,
К отцовскому прижавшись рукаву.

Я помню ночь. Так каждый мальчик помнит
Свой первый сон под новым потолком.
Всю эту крышу с полутьмою комнат
Сад облегал густым воротником.

Там света не было. И в щели дуло.
Всю ночь поскрипывал дверной запор.
Отец, ложась, к высокой спинке стула
На всякий случай прислонил топор.

Я всё не спал. Всё слышал крик татарский.
Там шла орда, повозки волоча.
А месяц плащ брильянтовый по-царски
Дарил земле со своего плеча.

Сразу же за гаражем
И далее к мастерским —
Закат расстился пляжем,
А небо — заливом морским.

Там осень гуляла Крезом,
А у нее за плечом —
Мешок со ржавым железом
И ломаным кирпичом.

Поэты за эту рухлядь
Кровью платили парной,
Пока в садах не потухли
Березы все до одной.

Поэты, кланяясь кленам,
Стояли по всем углам,
Кланялись, как обновленным
Кланяются куполам...

Но изорвалась в дырки
Вся эта мишура,
И осень, как рыжий в цирке,
Шлепнулась у ковра.

Только вверху, напоследок,
Целуя тебя, высота,
Бьются меж голых веток
Последние два листа.

Но с трапеции-ветки
Рухнут в небытие
Работающие без сетки
Сердца — твое и мое!

ЗВЕЗДЫ

Моему отцу

Колыхались звездные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой,
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

— Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести как выпей
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся и где бы
Ни был — ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

За окном — круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чёртовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол.
Каждый листик — сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но всё нервнее курим,
Реже спим, и радуемся злей.
Это город тополей и тюрем,
Это город слез и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится как еж.
Может быть, с последнего допроса
Под стеной последнею встаешь?
Или спишь, а поезд топчет версты
И тебя уносит в темноту...
Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять не вмоготу.

Хлынь, война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные тарашь!
Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!

Этот поезд, крадущийся воров,
Эти подползающие пни...
Он скулил, как пес, под семафором,
Он боялся зажигать огни.
Чащами и насыпями заперт,
Выбелен панической луной,
Он тянулся медленно на запад,
Как к постели тянется больной.

В небе смерть. И след ее запутан.
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпирутеном шпирутен
С четырех сторон прожектора!
За свободу вырванную ратуй!
Смерть уже свистит над головой!
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
...Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
— Господи, услышим ли отбой?
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!

Сколько раз я звал тебя на помощь, —
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чем.

Ну, а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреб.
Нас судьба ударила наотмашь,
Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!

Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому, что знаем: неба нет.

Борису Нарциссову

Видно, дела плохи
Великолепной эпохи:
Полицейские атташе
При каждой живой душе.

А ведь была ж когда-то
Без кляпа во рту душа
У обезьяны мохнатой,
Вышедшей из шалаша,

Прислушивающейся к дебрям,
Таящейся у корчаг,
В единоборстве с вепрем
Отстаивающей очаг!

А ведь была ж обида
У глядящего из-под лба,
Воздвигавшего пирамиды
Египетского раба!

И вера была — знамя!
Раскольничий поп с костра
Просовывал сквозь пламя
Мятежные два перста!

Пел — на костре скорчась!
Слушай — сегодняшний, ты!
Где же твоя гордость?
Где же твои персты?

Как ночь эта памятна
Тревожным гудком
Походкою мамонта,
Лунным клыком!

Мой город испуганный,
Мой каменный друг,
Мой город обугленный
Толпился вокруг...

Он всеми заставами
Шел на вокзал,
Он домом оставленным
На рельсы сползал,

Он грозно ощеривал
В небе столбы,
Он каждое дерево
Рвал на дыбы!

Мне путь загораживал
Каменный вал.
Город мой заживо
Меня отпевал.

Смерть? Погибель? Конец? Неправда!
Кто упал? Обессилел кто?
Знаю я: не сегодня, так завтра,
А не завтра, так через сто,
Через двести лет, через триста —
(В смерти верить не перестаю!)
На земле моей будет чисто,
Бог умоет землю мою.

ОТСВЕТЫ НОЧНЫЕ

Напротив, на стене, мои соседи
Висят в тяжелых рамах под стеклом.
Вот женщина задумчивая, в плече,
А вот студент за письменным столом.
Поодаль две скучающих девицы
Бессмысленно в стекло уткнулись лбом.
И через год мой каменный альбом
Открою я на этой же странице.

Снова дождь затеял стирку
Крыш, деревьев, кирпичей.
Дни ложатся под копирку
Антрацитовых ночей.

А во сне — в ночном походе, —
На путях каких — Бог весть,
День наш в сонном переводе
Мы пытаемся прочесть,

Ночью каменноугольной,
Ночью грузной и большой,
Пробираясь, точно штольной,
Нашей узкою душой.

Там в скитаньях непрерывных
На мгновенье зажжены
На мятущихся экранах
Зашифрованные сны.

Все удачи, все печали,
Всё, что было позади,
Всё, что за день настучали
Ундервуды и дожди.

Но рассвет, войдя в квартиру,
Выхватит издалека,
Возвратит дневному миру,
Сны срывая по пунктиру
Телефонного звонка.

Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне нехватает русского окна.

Оно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Отпускаю в дорогу с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем обманывающим и сулящим,
По которым мы жизни тащим.
Отдаю и реке, и саду,
И скамье, где с тобой не сяду,
И кусту отдаю, и оврагу,
И траве, где с тобой не лягу,
И предутреннему перрону,
Где, прощаясь, тебя не трону.

Отдаю всем заливам синим,
Где мы в воду камней не кинем,
Всем перилам и всем оградям,
Где с тобой не застынем рядом.

Отпускаю в дорогу с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем тревожным привалам нашим,
На которых свистим и пляшем,
На которых поем и плачем...
Всем удачам и неудачам.

Отдаю тебя на поруки
Ветру, счастью, дождю, разлуке —
Тем, что будут с тобой повсюду
Там, где я никогда не буду.
Отдаю тебя службам жадным,
Лифтам, лестницам и парадным,
Коридорам и кабинетам,
Разговорам, кивкам, газетам,

Папкам, подписям и печатям.
Так мы порознь жизнь растратим
За казенным и за поденным
Сумасшествием телефонным,
За столами и за дверями
С именами и номерами...

Отдаю тебя всем соблазнам,
Встречам легким, веселым, праздным,
И печальным горячим встречам
В час, когда защититься нечем.

Вселенная! Так вот твоя изнанка!..
Едва рванули ткань твою по шву —
И поднялась гигантская поганка
Откуда-то из ада в синеву.

И зарево ударило по тучам,
Полгорода внизу испепеля.
Так вот каким заправлена горючим
Несущаяся в космосе земля.

Еще в поту мы эту землю пашем,
Еще и воздух не отравлен весь,
Но с той поры грохочет в сердце нашем
Тоски и гнева взрывчатая смесь.

Дождь бежал по улице на цыпочках,
Дождь бежал то тише, то слышней,
Дождь бежал, асфальт вечерний выпачкав
Масляными красками огней.

Под ногами, точно в черном озере,
Светофора вспыхивал рубин.
Отсветы неоновые ерзали
В темноте асфальтовых глубин.

Точно все огни земные плакали
В бесконечных прорезях дождя.
Ночь под землю уносила факелы,
Улицы с собою уводя.

Вот он, город мой неузнаваемый,
Город каменной моей судьбы,
Под тобой оранжевыми сваями
Световые движутся столбы.

Я и сам о том уже не ведаю,
Что ищу я в шуме городском,
За какими отсветами следую
И в пространстве двигаюсь каком.

Я уже не ощущаю хлесткости
Наискось летящего дождя,
Где-то рядом в вертикальной плоскости,
Плоский сам, проскальзываю я.

Может быть, из всех объемов вынутый,
В измереньях двигаясь иных,
Я теку, в асфальте опрокинутый,
Отсвет — среди отсветов ночных.

Небоскребы упрятались в марево.
Зажигали огни самолеты.
В отдалении сумрак вымарывал
Городского пейзажа длинноты.

Понемногу окрестности вызаря
Из какой-то заоблачной зыби,
Как угарный экран телевизора
Задымилась луна на отшибе.

И опять, не звана и не прошена,
Тень моя обозначилась рядом,
И скользит удлиненно и скошено
По ночным мостовым и фасадам.

Тень моя, отщепенцем ты кажешься
Между грузной стеной и цистерной.
В этом мире объема и тяжести
Что ты делаешь, призрак двумерный?

Я и сам, обтекаемо-выгнутый,
Закругленный и мягкий в овале,
Как попал я сюда, где воздвигнуты
Эти каменные вертикали?

Эти кубы, параллелепипеды,
И углы, и бетонные плиты!
Тень! с тобой из орбиты мы выбиты,
Тень! в чужую орбиту мы вбиты.

Тень! нам кто-то с тобой позавидовал,
Нам, которые криво летели.
Нас втокнули в темницу Эвклидову,
За решетки прямых параллелей.

Нежность видно родилась зайкой, —
Ей слова даются тяжело.

Ей бы медвежонком в чаще дикой
На заре обнюхивать дупло.

Ей бы грызть заостренный и горький
Лист брусничный, да лежать во мху,
Слушая, как ветер на пригорке
Треплет тонкоствольную ольху.

А ее просили сесть в гостиной,
И была хозяйка с ней мила,
Оттого, что нежность чинно-чинно,
Очень хорошо себя вела.

Столь необычайное смиренье
Даже озадачило кота:
Кот изобразил недоуменье
Знаком вопросительным хвоста.

Кот нашел, по-видимому, странным
То, что нежность так себя ведет:
Кот в любви был старым ветераном,
Помнил, что такое нежность, кот.

Знал, что не унять ее томлений,
И умел он на своем веку
Ткнуться мордой в милые колени,
Ухом почесаться о щеку.

Исчезают, как в водовороте,
Выплески однообразных дней.
Вы наверно так и не придете
На свиданье с нежностью моей.

ЧЕРНОВИК

Что такое зыбь?

Мелким почерком ветер писал по воде.

Что такое зыбь?

Промчался ветер, в травах просвистя,

И заводь зябко сжалась от испуга.

Ты — судорог и сумерек дитя —

Вечерняя озерная кольчуга.

Что такое зыбь?

И вдруг мне показалось, что вода

Несет гигантских пальцев отпечатки.

О, это дело рук Твоих, Господь.

Ты уличен. Ты создал этот мир.

Еще рассвет. Еще туманный хаос.
Еще, передрассветно колыхаясь,
Деревья — еле видимые — в дымке
Похожи на рентгеновские снимки.
Еще рассвет. Но из туманных грядок
Весь город выпадает, как осадок.
Выходят, как из мутного раствора,
И памятник, и выступы собора.
И дом обозначается за домом,
Чтоб стать на небе каменным изломом,
Чтоб стать на небе четкой и упрямой
Извечной городской кардиограммой.

Над мальчишкой крепким и румяным
На скамейке суетится мать.
Вырастет и станет хулиганом,
Будет грабить, жечь и убивать.

А быть может (колесом раздавлен!)
Мальчуган поселится в раю,
Будет Богом в ангелы поставлен,
Чтобы жизнь замаливать мою.

Я это молчание выбил как пробку
И залил бумагу лиловым вином...
Веселого месяца тонкую скобку
Повешу над самым высоким окном!

И только рукою взмахну я надменно,
И город столпится у этой реки, —
Смотри — на балконах стоят джентльмены
И к звездам бросают свои котелки!

И небо прожектором залито синим,
И, кажется мне, я по крышам иду.
Какая-то женщина в платье павлиньем
По небу ночному летит как по льду!

И рвутся ракеты, и гаснет каскадом
За красной струей золотая струя...
Ну что ж, ты довольна своим маскарадом,
Ответь мне, бессонная совесть моя?

Мы всё столкнуться с тобой не умеем,
Я спорил с тобою до боли в висках,
Водил по театрам, таскал по музеям
И скрипками мучил в ночных кабаках!

Мне всё в этом мире казалось забавой,
Зачем же, и мир от меня заслоня,
Прощальные слезы ирландки картавой
Как капельки лавы сжигают меня.

Пятнадцать тысяч ночей
Меня приходили проведать,
И всё до последней звезды
Они приносили мне.

Пятнадцать тысяч ночей —
Земное богатство мое.
Хочешь, тебе отдам
Всё до последней звезды?

Вот черного мрамора ночь
В белых прожилках звезд, —
Ты выстроишь из нее
Сонные города.

А хочешь вокзальную ночь,
Железнодорожную ночь,
Забившую в прорезь моста
Заклепанный болт луны?

Возьми океанскую ночь,
Ночь плавающих звезд,
Ночь шатких, черных зеркал,
Вздохов соленых ночь.

Я дам тебе белую ночь
В городе над Невой,
И ты ощутишь звезду,
Как ощущают укол.

Есть еще у меня
Ночи — ты их не тронь —
Ночи, когда я хотел
Понять, что такое смерть.

Такие ночи темней
Каменноугольных шахт.

Сколачивали тучи вскладчину
В горах вечернюю грозу.
Весь потемневший и взлохмаченный,
Лес беспокоился внизу.

И там, где камни наворочены,
Там, над дорогой кривой,
Осины сбились у обочины,
Тряся испуганной листвой.

По небу отсветами плещется
Жар-птицы молнии перо.
Пошло трещать, земля-помещица,
Твое зеленое добро!

И над бобровою запрудой,
Ворвавшись в мертвый бурелом,
Как будто палицей орудуя,
Прошел многоэтажный гром!

И вновь, вверху, собравшись с силами,
По тучам с грохотом полез,
И наконец, ударив, выломил
Ворота всех семи небес.

И сразу, через все пробоины,
Сверкая, зыблясь и галдя,
Пошли, колоннами построены,
Косые полчища дождя.

Послушай, я все скажу без утайки.
Я жертва какой-то дьявольской шайки.
Послушай — что-то во мне заменя,
В меня вкрутили какие-то гайки,
Что-то вмонтировали в меня.

Впервые почувствовал я подмену,
Когда мне в окно провели антенну,
Когда приемник вносили сюда,
Как будто втащили Лондон и Вену,
И Рим и Москву — и все города!

И поползли на меня через стену
Змеями черными провода.

Послушай, сперва добрались до слуха
И стали мне перестраивать ухо,
Взялись сверлить и долбить и вертеть.
Что-то в ушах моих щелкнуло сухо:
Слух мой включили в общую сеть.

И вот в мои слуховые каналы
Вломились все позывные сигналы,
Разом крутиться пластинки пошли,
Заговорили вразброд, как попало
Радиостанции всей земли.

И отключили от Божьего мира
Душу мою — моего пассажира.

Послушай, я скоро прибором стану,
Уже я почти что не человек,
В орбиты мне вставили по экрану,
И я уже не увижу поляну,
Я не увижу звезды и снег,

А будут на пленочной амальгаме,
Где-то под веками мельтеша,
Экранные люди в джазовом гаме
Выкидывать сплюсненными ногами
Остервенелые антраша.

Пойми, мне помощь нужна до зарезу,
Пойми, я больше так не могу,
Меня опять готовят к протезу,
Уже протянут холод железа
Где-то в бедном моем мозгу.

Я знаю их адские выкрутасы,
Знаю, к чему это клонится все,
Они мне сердце хотят из пластмассы
Вставить и вынуть сердце мое.

И никуда я от них не укроюсь,
От них никуда мне не увильнуть.
Мой пассажир оставляет поезд.
Порожняком я трогаюсь в путь.

Я даже смерти не удостоюсь.
Мне запретили отныне и впредь
По-человечески вспыхнуть, то есть
По-человечески умереть.

Ни ангельских крыльев, ни эмпиреев,
Ни райского сада, ни звездных люстр,
А просто иссякнет заряд батареи
И я как машина остановлюсь.

Я вывеску приколотил:
— Лавка ночных светил —

Я нанизал как бусы
Луны на все вкусы.

— Печальные анонимы,
Апологеты уныния!
— Совершенно незаменимый
Месяц из алюминия!

У него замашки
Дагестанской шашки!

Занесен он наголо
Ослепительно светло.

А на левом фланге
Месяцы — бумеранги.

Как паутинки
Тонки и робки,
Месяцы — льдинки,
Месяцы — скобки.

Рядом на полке
Месяцы — щелки.

Месяц — хрусталик,
Месяц — крючок,
Месяц — рогалик,
Месяц — стручок.

Выточен плотно,
Тяжек, упруг,
В тучах — полотнах
Месяц — утюг.

Кто о месяце этом
Вспомнит добром?
Он висел над кацетом
Человечьим ребром.

Вы видите, луна красна,
Вся в облачном угаре,
Как будто бы всю ночь она
Гуляла на пожаре.

Отходящие ко сну,
Любители томления,
Хотите, доведу луну
До белого каления?

Сочинять надоело,
Столько лет потерял.
Ликвидирую дело,
Продаю матерьял.

В ГРИНВИЧ ВИЛИДЖ

Всю ночь музыкант на эстраде
Качался в слоистом дыму,
И тени, по-волчьему, сзади
На плечи кидались ему.

Себя самого растревожа,
Он неся в какой-то провал
И нежно во влажное ложе
Протяжные звуки вливал.

Здесь всякий приятель со всяким,
И всякий здесь всякому рад.
Артисты, пропойцы, гуляки.
Толкаются, пьют, говорят.

Над столиком тонкий светильник
Мелькает в зеленом стекле.
Привет тебе, мой сомогильник,
Еще ты со мной на земле.

Привет тебе, мой современник,
Еще ты такой же как я,
Дневной неурядицы пленник
Над рюмкой ночного питья.

Какая-то тусклая жалость
Из труб серебристых текла,
Какая-то дрянь раздевалась
На сцене ночной догола.

Картины кострами сложите
И небо забейте доской!
Не надо уже Афродите
Рождаться из пены морской,

Не всплыть ей со дна мифологий,
И пена ее не родит,
Тут девка закинула ноги,
Тут кончился век афродит.

Я пальцами в такт барабаню,
Я в такт каблуками стучу,
Я тоже со всей этой дрянью
В какую-то яму лечу.

Напечатай объявление
Или вывеску привесь,
Что прекрасные мгновенья
Останавливают здесь.

Прибывают здесь закаты
Между двух больших берез,
Чтоб стояли розоваты
И никто их не унес.

У заката, как у сцены,
Тут поставлена скамья,
Где остались неизменны
На столетья ты и я.

На ребре волны стеклянной
Встал огромный пароход.
Ни в какие океаны
Он от нас не уплывет.

И волна хрустальным клювом
Навсегда загнулась здесь,
И как будто стеклодувом
Изготовлен вечер весь.

Здесь забот и странствий бремя
Никого не тяготит.
Здесь вырезают время
Так же, как аппендицит.

Знаю, не убьет меня злодей,
Где-нибудь впотьмах подкарауля,
А во имя чьих-нибудь идей
Мне затылок проломает пуля.

И расправу учинят, и суд
Надо мной какие-нибудь дяди,
И не просто схватят и убьют,
А прикончат идеалов ради.

Еще буду в луже я лежать,
Камни придорожные обнюхав,
А уже наступит благодать —
Благорастворение воздуха,

Изобилье всех плодов земных,
Благоденствие и справедливость,
То, чему я, будучи в живых,
Помешал, отчаянно противясь.

И тогда по музам мой собрат,
Что о правде сокрушаться любит,
Вспомнит и про щепки, что летят,
Вспомнит и про лес, который рубят.

РЕАКТИВНЫЙ САМОЛЕТ

Пронесся в небе звук протяжный,
И зашипело все кругом,
Как будто бы по ночи влажной
Прошли горячим утюгом.

Разбужен, я вскочил с кровати,
Встал у открытого окна.
Как драгоценный камень в вате,
Блистая в облаке луна.

Там подымались, темно-сини,
Сооружения небес,
А звука не было в помине,
Он оглушительно исчез.

Но всей тоской моей упрямой
Я знал, что где-то там, вдали,
Он мчится над такой же самой,
Над смежной полосой земли,

И в нарастающем раскате,
В таком же городе ночном,
Там человек вскочил с кровати
И встал, как я, перед окном.

По-ученому не говори.

Пусть наивностью речь твоя дышит.

Будешь много читать словари —

О тебе в словарях не напишут.

Бойся благоустроенных слов,

Слов-чиновников, слов-бюрократов,

Слов без выступов, слов без углов,

Гладко-выбритых, щеголеватых.

Чтобы стих по-степному был дик,

Как душа, был широких размахов —

Напусти в него слов-забулдыг,

Слов-отверженцев, слов-вертопрахов;

И в словах оставляй сквозняки.

Если схватит читатель простуду —

Значит, ветер качает стихи,

И стихи уподобились чуду.

Сочиняй с разумением в лад,

Никогда не гоняйся за звуком;

Сочиняй, как хозяйка салат:

Чтоб запахло укропом и луком.

Чтобы каждый предмет норовил

Озариться свеченьем глубинным,

Чтобы в листьях сквозил хлорофил,

Чтобы кровь была с гемоглобином.

И стихи за стихами пиши,

Сочиняй и некстати и кстати,

Для души или не для души,

Для печати и не для печати.

У вас в глазах то робость,
То озорство, то страсть.
У вас глаза как пропасть,
Где так легко пропасть.

Они у вас туманны,
И чуть блестят они.
У вас глаза — капканы,
Ловушки, западни.

Там вспыхивает шатко,
Там прячется, скользя, —
Решимость и оглядка,
И можно, и нельзя,

Открытость и рисовка,
Отчаянье и блажь —
Глаза, как маскировка,
Глаза, как камуфляж,

Как лунных два осколка,
Как дымных два цветка,
И целятся недолго,
И бьют наверняка.

Они у вас бездонней
Всех омутов и рек,
У вас в глазах — погоня,
У вас в глазах — побег.

И собственному сердцу
Я говорил не раз,
Что мне не отвертеться
От ваших дымных глаз.

В них темный ветер риска,
В них сам себе я снюсь.
Когда-нибудь я низко
Над ними наклонюсь.

Ветки голы. Месяц тонок.
Поздней осени пора.
Ветер плачет, как ребенок,
В люльке каменной двора.

Были суды-пересуды,
Разговор за коньяком,
Горы сдвинутой посуды,
Дым под самым потолком.

Разошлись куда-то гости,
Всё затихло, всё прошло.
В ледяном, ночном нахлесте
Ветки бьются о стекло.

Может быть ушел я с ними
И в пути отстал от них,
И пропал в тяжелом дыме,
В наваждениях ночных.

Где-то ходит по вселенной,
Где-то прячется в веках
Нетерпимый и надменный
Ангел в рваных башмаках.

Если я дорогой к раю
Повстречаю тень твою,
То тебя я не узнаю,
Как себя не узнаю.

Высунулся во мглу
Из вороха одеял.
Проверил — стоит ли дом на углу:
Стоит, как вчера стоял.

Поправил ветер в саду,
Что бил о звезду доской,
Из сада убрал звезду
И вывесил над рекой.

Кажется, Орион
Задел и качнул плечом,
И ушел досматривать сон
(Уже не помню о чем).

Знаю, что мир вчерне
Был выстроен до меня.
Но видимо с миром мне
Еще предстоит возня:

Мне не подходит он
В том виде, в каком он есть.
Пора замесить бетон,
Пора на стропила лезть.

Месяца светящийся фаянс.
Отблески на крышах и антеннах,
Окон неоконченный пасьянс,
В сумерках разложенный на стенах.

Лампа загорается в окне,
Точно свет нисходит благодати,
И плывут, как в золотом вине,
Тени на сияющем квадрате.

Мне не раз казалось, что они —
Только дрожь потусторонних планов,
Кто-то резко выключит огни,
И они исчезнут, в камень канув.

И я сам поставлен под стекло
Высоко, почти под самой крышей,
Чтоб сиянье города вошло
В хрустали моих четверостиший,

Чтоб душа могла маячить так,
Как реклама на вечерней вышке,
То мгновенно прятаться во мрак,
То бросать оранжевые вспышки.

К. Н. Астори

Осень, осень — торопливый график,
Ты наносишь темные штрихи,
И кладут косую тень на гравий
Буков лиловатые верхи.

Ты глядишь перед собою прямо,
И речная даль тебе видна.
Ты ее с утра вставляешь в раму
Моего высокого окна.

Торопливый рисовальщик — осень,
Ты опять тоской меня обдашь,
Вот он — нелюдим и грандиозен —
Твой речной, твой ветренный пейзаж.

Облаков больших твоих наплывы
Как попало, грубо наведя,
Ты уже кидаешь торопливо
Черточки пунктирного дождя.

Но пока, по ветру птиц развеяв,
Ты набросок делаешь углем,
Бережней, чем под стеклом музеев,
Он хранится под моим стеклом.

Я помню чайку над заливом,
Почти припавшую к волне,
И дерево, зеленым взрывом
В глаза ударившее мне.

Года, вы с грохотом идете
И где-то падаете все,
А я — всё там — на повороте
Того бессмертного шоссе

Стою, навеки удивленный,
А крымский берег подо мной
Всё машет мне листвой зеленой,
Всё машет синею волной.

Мой театр ослепительно умер
От разрыва суфлерской будки,
И в театре темно как в трюме,
Только скрип раздается жуткий,

Это я, обанкротившись дочиста,
Уплываю в мое одиночество.

Но я обманываю время,
Еще я где-то в странной драме,
Со всеми ведьмами, со всеми
Шекспировскими королями,

Еще в костюме я и в гриме,
Еще я в молнии и громе,
А может быть я в древнем Риме,
А может быть я в желтом доме.

Надо мною небес многоплановость,
И как парус качается занавес.

Там на острове пальма кокосовая,
Перед островом — море розовое,
И сегодня с моею лирою
Перед пальмою я позирую.

Я восхищенно стану в позу,
Я руку вытяну вперед,
Как фокусник, который розу
Откуда-то из воздуха берет.

Я показываю фокус —
Только палочкой взмахну,
Моментально жизни окись
Превращаю в седину.

Я тоже иллюзионист.
Уже висок мой серебрист.

Я развлекаюсь в одиночку
В веселом обществе теней.
Художник, становись на бочку,
Чтоб быть видней.

Итак, представим мизансцену:
Мое окно выходит в стену.
Стена. Веревка для белья.
Окно. Стена. Веревка. Я.

Я на заре вечерней
Стою перед харчевней.

Смотрю я вглубь витрины,
Где ты перед жаровней
Вращаешь кус свинины
Огромный и неровный.

Где ты — король сосисок,
Ты — царь окороков,
Блистаешь среди мисок,
Паришь среди горшков.

Ты создаешь еду!
Ты тот, кто обессмертил
Котел, прославил вертел,
Внес в мир сковороду!

Жир со свинячьей кожи
Ты так умело льешь,
Должно быть ты и рожей
На медный чан похож.

Но, осторожно пятясь,
Ты повернулся вдруг,
В лице твоём и святость,
И бледность, и испуг.

Твои глаза с ознобом,
Под ними темный кант,
Акварелист должно быть,
Должно быть музыкант.

Как ты зрачками юркнул,
Мышонок, а не царь,
Как ты устал от буркал,
От рож, от рыл, от харь.

Они ежевечерне
Толпятся у окна
Из глубины пещерной
Встают как муть со дна,

И ответ шевелится
На каждом кровяной,
Как будто эти лица
Все куплены в мясной.

Сюда ежеминутно
Заносит их прилив.
И я расплылся мутно,
И я к стеклу прилип.

ПОЭМА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Там, в сквере, пять иль шесть
Деревьев оголенных,
Но как-то страшно сесть
У этих голых кленов.

Там пьяницы сидят,
И Данте Алигьери,
Как страж у входа в ад,
Поставлен в этом сквере.

Он здесь уже давно.
Он наблюденьем занят.
Он смотрит, как вино
Босяк из фляги тянет,

И как передает
Он эту флягу другу.
Друг отопьет — и вот
Она пошла по кругу.

Что им земная боль,
Обиды и измены,
Так нежно алкоголь
Разогревает вены.

Блаженны босяки.
Кто на земле мудрей их?
На скамьях пиджаки,
А души в эмпиреях.

В глаза их посмотри,
В лоснящиеся щели.
У каждого внутри
Не сердце, а качели.

Но вот уже дома
Над улицей качнулись,
И улица сама
Качнулась среди улиц.

Где подымался ввысь
Какой-то камень серый,
Оранжево зажглись
Квадратные пещеры.

Автомобиль кривой,
Как допотопный ящер,
Скользнул по мостовой
На светофор горящий.

Весь уличный пролом
Заставлен небосклоном.
Там небосклон стеклом
Стоит темно-зеленым.

На этот жалкий сад,
На этот сброд невзрачный
Три звездочки глядят
Из полумглы коньячной.

На этот бедный люд,
На этот люд никчемный
Они сиянье льют
Из глубы полутемной.

Три звездочки — ночей
Серебряные банты
Блистают на плече
У каменного Данте.

Ночные голоса
И гул трактирных стоек
Не слышат корпуса
Неконченных построек.

Их силуэт сквозной
Напоминает соты
Под маленькой луной,
Закинутой в высоты.

И корпуса таят,
В стенах своих упрятав,
Звучание сонат,
Сверкание театров,

Рукоплесканье лож,
Свистки и крик галерок,
Восторженности дрожь,
Взволнованности морок.

И дирижерский взмах
Мерещится оттуда,
Где высится впотьмах
Бесформенная груда.

Но вот уже дома
Над улицей качнулись,
И улица сама
Качнулась среди улиц.

Еще почти что пуст
Участок, на котором
Раскинется искусств
Сверхсовременный форум.

И ты сюда придешь,
И под удары клавиш,
Как ставят грудь под нож,
Всего себя подставишь.

Как много женских плеч
И лиц блестящих глаз,
Чтобы тебя увлечь,
В мехах стоят, как в вазах.

Как много вееров
На бархате балконов,
Люстр, ламп, прожекторов,
Юпитеров, неонов.

А что, когда обдаст
Тем холодком особым,
И ты, энтузиаст,
Отсюда выйдешь снобом?

Не доверяй коврам
И мраморным ступеням,
Павлиньим веерам,
Ночным столпотвореньям.

Верь звонким чердакам,
Что жмутся к самым крышам.
Поближе к облакам
Свободнее мы дышим.

Еще блаженно-тих
Сад, где поставлен Данте.
Еще сюда франтих
Не натащили франты.

И полицейский страж
Еще не гонит пьяниц.
А как войдет он в раж,
То наведет он глянец.

Здесь станет кадиллак
С почтительным шофером,
Что смотрит на зевак
Презрительнейшим взором.

И женщина пройдет,
Каменья платьем тронув,
И выставкою мод
Блеснет у этих кленов.

И юркнут в тесноту
Те личности живые,
Что прямо на лету
Хватают чаевые.

Но с грохотом дома
Над улицей качнулись,
И улица сама
Взорвалась с сотней улиц.

Где было пять иль шесть
Деревьев оголенных,
Там только тени есть
Обугленные кленов.

Где пьяницы сидят?
Где Данте Алигьери?
Уже у входа в ад
Или у райской двери?

Огромный город ввысь
Швырнуло глыбой серой
И в воздухе рвались
Пещера за пещерой.

Автомобиль кривой,
Как допотопный ящер,
Сдох, испуская вой
И буркалы тараща.

И в небо, как в пролом,
Распахнутый циклоном,
Весь мир упал стеклом,
Рассыпавшись со звоном.

На этот бедный ад,
На этот мусор бренный
Три ангела глядят
Из огненной вселенной.

Они стоят в дверях
Зари багрово-темной,
Глядят на жалкий прах,
На этот прах никчемный.

Три ангела — столбы
Пылающего неба —
Глядят на тех, кто был,
Глядят на тех, кто не был.

Где блещет райский куст,
Поближе к райским хорам,
Раскинется искусств
Сверхсовременный форум.

И женщина в шелках
Приедет в кадиллаке
Туда, где в облаках
Лакей стоит во фраке.

И дирижер в раю
Подыметя над сценой,
Взяв палочку свою
С галантностью отменной.

И полицейский страж,
Весь в переливах радуг,
Небесный ералаш
Там приведет в порядок.

Туда ты не войдешь!
Ты жил уже на свете,
Ты ринешься в галдеж
Земных тысячелетий,

В тот океан земной,
Где катятся лавиной
Все беды до одной,
Все муки до единой.

В тот мир, что, сотворив,
Сам Бог давался диву.
Его не тронет взрыв.
Он недоступен взрыву.

ЛЬДИНА

Дома становились выше,
А улица — все длинней.
Как промельк летучей мыши,
Я косо скользил по ней.

Казалось, что я задену
Стену моим крылом,
Казалось — я врежусь в стену
Где-нибудь за углом,

Казалось — вот-вот настигнут
Каменные валы,
Но, удлиненно-выгнут,
Я обтекал углы.

Кидая на стены криво
Живые куски теней,
Шарахаясь, как от взрыва,
От вспыхивающих огней,

Я двигался под обстрелом
Витрин, фонарей, реклам,
То залит сияньем белым,
То с розовым пополам.

Как будто за мною гнались
Снопцы цветковых лучей
И шел спектральный анализ,
Город, твоих ночей!

Мимо авто промчалось,
Шарили прожектора...
Над головой качалось
Созвездие Топора.

Вдруг раскаленный кратер
Улиц ночных померк:
Невидимый декоратор
Выключил фейерверк.

Как будто бы все живое
Сразу ушло с земли
В тот миг, когда эти двое
На перекресток вошли.

Гасли тысячи свечек.
В город вошли, как в морг,
Мистер Смит — контрразведчик,
Товарищ Петров — парторг.

На всех перекрестках мира
Стоят они по ночам,
На всех перекрестках мира
Прислушиваются к речам,

На всех перекрестках мира
Готовят переворот,
На всех перекрестках мира
Радио их орет,

На всех перекрестках мира
Гуляет их солдатня,
На всех перекрестках мира
Они убивают меня.

А в Антарктике
Среди льдин
В белом фартуке
Жил пингвин.

У поэта и у пингвина
В мире должна быть льдина.

Льдина — оплот,
Льдина — уют.
Льдина плывет,
Волны ревут.

Ветер и холодина,
А у меня есть льдина!

Ветер таранящий,
Ранящий, режущий...
Льдина — пристанище,
Льдина — прибежище.

И никаких соседей
Кроме больших медведей!

Волны накинута
Ревом когорт —
Льдина — гостиница
Льдина — курорт!

Море — а в середине —
Я и пингвин на льдине.

Льдина — качалка
Средь тысячи льдин,
Где вперевалку
Ходит пингвин.

Ходит себе господином
И улыбается льдинам.

Как на духу —
Сердце в грозу.
Небо вверху,
Море внизу...

Небо — стекло,
Море — тайник.
Птице — крыло,
Рыбе — плавник.

А у пингвина
Баловника
Две крыловины,
Два плавника,

А у поэта,
А у богемы
Только примета —
Крылатые темы!

Где ж нам ютиться,
Деться куда еще?
Оба мы — птицы
Из нелетающих!

Оба мы — птицы
Из неуклюжих...
Солнце нам снится,
Горящее в лужах,

Ночи нам снятся
На льдине соленой,
Звездные святцы,
Стрельцы, Орионы,

Звездная азбука
В книге воды,
Грозного айсберга
Синие льды...

Слушайте, сильные мира сего!
Только и просим мы — льдину всего!

Льдину — скитаться в просторах зеленых,
Льдину — без Наций Объединенных,

Льдину, что кружит, хрустально горя,
Без генерального секретаря,

Льдину, что затемно блещет алмазом,
Льдину, ненужную атомным базам,

Льдину — подальше от лодок подводных,
Льдину — подальше от сходов народных,

Льдину без компаса и без маршрута,
Льдину, что встала над пропастью круто,

Льдину, что в пропасть плывет без возврата,
Льдину без пропуска и без мандата,

Без конституций и без династий,
Льдину из тех, что несутся на счастье

Там, где лазоревый дым в океане,
В месте, которого нету на плане,

Льдину без кодекса, льдину без статуса,
Льдину для тех, кому хочется спрятаться,

Льдину, что в море плывет анонимно,
Льдину без флага, льдину без гимна,

Льдину из тех, что удаю несетя
Без генерала и без полководца,

Без мавзолея и без capitoлия,
Льдину, которой милее приволье;

Льдину, куда не опустится летчик,
Льдину мечтателей и одиночек!

Волны раздвинув, плыви без запретов —
Льдина пингвинов, льдина поэтов!

Весь океан, убеленный сединами,
Слева и справа вздымается льдинами...

Я и пингвин — мы выходим на форум,
Мы дирижируем миром, как хором,

Слышим, как волны, высоки и скользки,
Шепчутся между собою по-польски!

Двигаясь медленно в брызгах и пене,
Ставим большие закаты на сцене!

Сколько увидим высоких трагедий
Из удивительной жизни медведей!

Рыбу и крабов к обеду надергав,
Мы хорошо проживем без парторгов!

Прямо на нас через водные хляби
Ляжет луны алюминиевый кабель,

Нас повстречает звезда поцелуем
Там, где к полуночи мы пришвартуем,

Там, где за тьмою стоит наше завтра,
Как одинокий корабль космонавта.

КОСОЙ ПОЛЕТ

МОЙ ДЕНЬ

Шли зданья, раскинув
На сотни кварталов
Огни магазинов,
Сиянье вокзалов.

Навстречу мне били
Слепящие свету
От ангельских крылий
Летащей газеты.

Там тень, что смятенной,
Неслышной машиной
Летает по стенам
Как нож гильотинный.

Там лампочки, винным
Подобны бокалам,
Со светом карминным,
Оранжевым, алым.

Я тенью по стенам
Чуть видно намечен,
Я красным рентгеном
Под сердце просвечен.

То прячусь в сторонке
Под стать невидимке,
То где-то на пленке
Я вспыхнул на снимке,

Казалось, что магний
Блистательно вспыхнул,
Казалось, я ахнул
И сразу же стихнул,

И сразу потухнул,
И как-то опально,
Отверженно рухнул
В какую-то спальню,

Я в простыни канул,
Я канул в матрацы,
Мне снятся мельканья,
Мне здания снятся.

По шумным проспектам,
По улочкам жалким
Там катится некто
В ночном катафалке.

Мой день бездыханный
Там катится шариком ртутным
По кафелю ванной,
В которой я выбрился утром.

Там день мой хоронят
Со всем его шумом и вздором
В том самом вагоне,
В котором я ехал в контору.

Почивший, безгласный,
Он виден мне сверху отсюда, —
Мой день, что погаснул
За темным холмом ундервуда,

Мой день, по котором
Отходные шепчут молитвы
Его коридоры,
Его кабинеты и лифты,

Его неудачи,
Его треволненья и страхи,
Мой день, что потрачен
На всякие охи и ахи,

Который был отдан,
Который вручен без остатка
Углом, переходам,
Туннелям, мостам, пересадкам,

И всем телефонам,
И пошлости всех разговоров,
И нежно-зеленым
И красным огням светофоров, —

Он жил суетливо,
И как-то погиб несуразно,
В каких-то архивах,
В каких-то бумагах увязнув,

Сидит секретарша
Еще и поныне в приемной,
Где в траурном марше
Колышется гроб его темный.

Мой вечер короткий
Расхищен, растаскан, развеян.
И только ошметки
Блестят еще в окнах кофеен.

Он двинулся в вечность
Со всем своим скарбом.
Мой день скоротечный
Ушел к динозаврам.

Я вижу в пространстве
Вселенной туманной
Блистанье фаянса
И кафеля ванной.

Лицо мое брея,
В сиянии пены,
Я пробую, время,
Ломать твои стены.

И хрупко и ломко
Стеклянное завтра.
Я прямо к потомку
Веду динозавра,

И с ним его дебри,
Его океаны,
И месяц, серебрян,
Свисает с лианы.

Шумят эвкалипты.
Летят метеоры.
Я двигаюсь к лифту.
Спешу из конторы.

Хватит слоняться праздно по безднам.
Надо заняться чем-то полезным.

Скажем, печати купить, и начать
Ставить на каждом закате печать.

Чтобы закат у дороги шоссейной
Как экспонат изучался музейный,

Чтобы из мира он выбыл со штемпелем,
Зарегистрирован розово-пепельным,

Чтобы отметил спектральный анализ,
Как эти краски хрустально менялись.

Может быть дети в столетьи тридцатом
Сложат по этим соцветьям закаты,

Сверят по рубрикам, сложат по кубикам,
Смажут по небу карминовым тюбиком

И над каким-нибудь городом хмурым
Небо зажгут золотым абажуром, —

Это стихи мои вспыхнут как хворост,
Это закат мой зажжется еще раз.

Я умиленно составлю каталог
Дынно-лимонно-оранжево-алых,

Медных закатов,
Дымных закатов,
Летних закатов,
Зимних закатов,

Тощих и розовых
В рощах березовых,

Распространенных
В тихих затоках,

Свет расплескавших
В лиственных чашах,

В бешеной ярости
Брошенных в заросли,

Где-то на пастбищах
Медленно гаснущих,

Золототканых
На океанах.

— А закат все ниже стекал
И наполнял сияниями
Вечернего неба стакан,
Поставленный между зданиями.

Неслышно входит городское лето
В отмеренное для деревьев гетто,

Где пробегает по дорожке пес
И где деревьев несколько вразброс,

Тревожно размещая светотени,
Стоят как декорации на сцене.

А чуть поодаль — каменный потоп:
Плывет за небоскребом небоскреб,

И снова небоскреб за небоскребом
Вздывается гигантом темнолобым.

А я стою под ветром и листвою,
Я от листвы и ветра сам не свой,

И этот сад почти как остров странен,
Мне кажется, что я — островитянин,

И что когда-то, может быть в раю,
Я видел эту бедную скамью,

И эту невысокую ограду,
Я помню пса, бегущего по саду,

И предо мной встает со дна морей
Сад затонувшей юности моей.

Что с деревом делать осенним,
С оранжевым сотрясеньем,
Плеском и колыханьем,
С блеском его чингисханьим,
С этим живым монистом,
С деревом тысячелистым?
С деревом тысячелистым,
Резким, броским и тряским,
Истым импрессионистом
По хлестким мазкам и краскам!
С деревом, что смеется,
С деревом-знаменосцем!

Глянь на его богатства, —
Некому с ним тягаться!
Осень в него вложила
Золотоносные жилы,
Солнца вкатила столько,
Что светится как настойка!

С неба закаты взяты
И влиты в него закаты,
Гнется под ветром крупным,
Бьется цыганским бубном, —
Не дерево, а кутила,
Осень озолотила!

Что с деревом делать осенним,
С круженьем его, с крушеньем,
С его золотой падучей?

Листья сгребает в кучи
И меж домов громоздких
Сжигаем на перекрестках.

Как с трамплина влетают в бассейн,
Так и я моей тяжестью всей

Рассекаю до самого дна
Стекловидную светопись дня.

Словно тело в стекло вплетено,
Словно тело в стекле ледяном,

И вослед сквознякам световым
Я теку по каким-то кривым,

Словно я в полусмерть занесен,
В полусвет, в полумрак, в полусон;

Обнадежь меня, время, скажи,
Что я вставлен в твои витражи:

Когда стекла твои зацветут,
Ты поставишь меня на свету,

На юру, на восход, на закат,
В листопад, в снегопад, в звездопад.

Встал у платформы дымный и шипящий
Вечерний поезд, выходец из чащи.
Но стоит только пристальней взглядеться
Поймешь, что поезд — выходец из детства.
И может быть ты обнаружишь сходство
С тем мальчиком, который там смеется.

А поезд снова просекой еловой
Погнался за луной большеголовой,
Где по бокам большие тени леса
Толкаются и под колеса лезут.
А мальчик за ночным локомотивом
Так и остался лунным негативом.

Остался за стеклянным расстоянием,
За временем, за звуком, за сиянием,
Куда уже не добежать по шпалам.
За временем, за выщербленно-впалым
Пересеченным временем, за теми
Деревьями, уплывшими за темень.

Я решаю вопрос большой —
Что мне делать с моей душой?

Вот стою я под фонарем,
Говорю ей — вдвоем умрем,

Только жизнь со мной промытарь —
И потухнешь ты как фонарь.

А выходит, что все вранье,
Что обманываю ее,

Что дела ее нехороши,
Что бессмертье есть у души!

И хотя она здесь со мной,
Для нее я — двор проходной,

Сквозь который душа пройдет
От одних до других ворот.

Мне-то что, я пойду на снос
Вот с душою как быть — вопрос.

Как помочь разорвать ей круг
Этих вечных блаженств и мук.

Что же будет с моей душой?
Вечность — срок чересчур большой!

На Севере и на Юге,
На Западе и Востоке,
Волны сгибая в дуги,
Плещут моря — широки.

Суши клочок сиротский
Всем нам отмерян скупю.
Словно живем на клетке,
Где-то в тарелке супа.

Вот занесет волною,
Так, как заносит снегом,
И никакому Ною
Не уцелеть с ковчегом.

Только звезда над зыбким
Неугомонным лоном,
Да проплывают рыбки
По храмам и стадионам.

Бог восхитился шаром.
Взялся за шар он с жаром.

Создал миров миллиарды,
Каждый как шар бильярдный,

И стало привычным бытом
Шарам кружить по орбитам.

А я себе во вселенной
Дом выстроил четырехстенный,

Ребристый, угластый, колкий,
С крышею треуголкой.

А я под небом голубеньким
Сажу и играю в кубики.

Бог выгнет коленцем дерево
И краской зеленой мажет, —
Стоит оно так растерянно,
Стоит и листьями машет.

А я себе для порядку
Сколачиваю оградку,
Я прибиваю доски,
А доски остры и плоски.

Бог прикоснется к облаку,
Только погладит по боку —
И облако золотится,
Свисает с облака птица.

А в небе моем, как вены,
Проволоки и антенны.

Бог ходит по меридианам,
Все Богу кажется странным,

А я по дорогам шоссейным,
Скучным, прямолинейным.

А для моей души
Нужны купола-кругляши,

Овальности и покатости
Для радости и для святости.

Земля моя, колобок,
Куда тебя катит Бог?

Я не знаю, где бы выпросить
Краску, чтобы ветер выкрасить.

Прекратить нелепость дикую,
Что он ходит невидимкою.

Я люблю определенности,
Красности или зелености,

Фиолетовости, синести,
А вот ветра мне не вынести,

Потому что ветер — фикция,
Хоть и есть у ветра дикция.

Вот и мыслью ошарашен я,
Чтобы ветер дул раскрашенно,

Дул павлинисто, фазанисто,
Дул гогенисто, сезанисто,

Чтоб по всей его волнистости
Шли сиреневые мглистости,

Чтоб скользили по наклонности
Голубые просветленности,

Чтоб он гнал в рывках неистовых
Цветовую бурю выставок,

Пусть по ветру фордыбачатся
Все абстрактные чудачества,

Многоцветные, несметные,
Несусветно-беспредметные,

Пусть в его порывах множатся
Сумасшедшие художества,

Пусть разгуливает клоуном
Идиотски размалеванным,

Пусть размахивает красками,
Как платками самаркандскими.

Весь вмещенный в очертания,
В свето-цвето-сочетания,

Пусть проходит ветер красочный,
Кочевой, блестящий, сказочный.

ЗАВЕЩАНИЕ

Пора уже облекать
В слова документ прощальный.
Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье.

Вы знаете, я богат.
Всё у меня в избытке.
Я золотой закат
Переплавляю в слитки.

Хрусталь, аметист, опал,
Брильянтовые булавки
Я у дождя покупал
В его ювелирной лавке.

Храню я кусок волны —
Пена на ней из платины,
И нежно закруглены
Выпуклости и вмятины.

Лежат в моих кладовых
Несчитанные богатства —
Сотни дорог кривых,
Чтобы по ним таскаться.

Накиданы облака
Впавал с другими вещами.
Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье.

Там вещи такие редкие,
Которым нету цены.
Есть тень у меня от ветки,
Я снял ее со стены, —

В сажень величиною
Продолговатая тень.
Еще есть окно ночное
В темень, в теплынь, в сирень...

Есть средь моих палат
Палата звездных качаний.
Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье,

Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье, —
Пора уже отвыкать
От жизни с ее звучаньем.

Все звезды от первой и до последней,
Все огни, что ночами светятся —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Чем одаряют и одаряли
Консерватории всех веков,
Все прогремевшие бури роялей,
Все косые дожди смычков,

Всё, что в скитаниях тысячелетних
Людам пригрезилось и пригрезится —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Все фантазии, все капризы,
Все иллюзии, все мечты,
Театров светящиеся кулисы,
Музеев диковинные холсты,

Всех живописцев цветные бредни,
Всё, что блистательной кистью метится —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Эту грешную, эту старенькую,
Суматошную землю мою,
Утопающую в кустарнике
В парке каменную скамью,

Всю прохладу сумерек летних,
Когда легко разойтись и встретиться —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Этот снег, только что выпавший,
И развеселого босяка —
Вот он, нескладный, немного выпивший,
Идет, покачиваясь слегка —

Февральской ночи шумящий ледник,
Все фонари, что звенят в гололедицу —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Был я поэт, бедняк,
Бился, язык высуня.
Ценнее ценных бумаг
Бумага была исписанная.

Не затевал я дел,
Не заправлял финансами,
А все-таки я владел
Вот этой луной фаянсовой.

И, без копейки сиживая,
Я не терял мужества:
В небе мое недвижимое
И движимое имущество.

Знал я, зубами клацая,
Знал я, ремень прикручивая,
Что у меня акции
Самые наилучшие.

Что я, по воле дивного
Случая и не случая —
Акционер правдивого
Великого и могучего.

Отстаньте с книжкой чековой,
Когда я с книжкой Чехова!

Зачем мне ваш текущий счет?
Мой счет — неиссякаемый!
Ко мне не золото течет,
А Пастернак с Цветаевой.

Пускай сегодня я не в счет,
Но завтра может статься,
Что и Россия зачерпнет
От моего богатства.

Пойдут стихи мои, звеня,
По Невскому и Сретенке.
Вы повстречаете меня,
Читатели — наследники.

Нет, завещанье еще не полное.
Нет, завещанье еще не конченное:
Я завещаю вам гром и молнию,
Я завещаю вам море всклокоченное.

Еще завещание не заверено,
Еще не все поставлены подписи —
Я завещаю вам тучу и дерево,
Я завещаю вам выси и пропасти.

Еще не всё до конца оговорено
И не оттиснуты все печати:
Я завещаю вам ветку и ворона,
Рошу осеннюю на закате,

Желтые листья, летящие накривь,
И облаков величавые сдвиги,
И на прощанье — последний параграф —
Я завещаю вам солнце и книги.

Жил Диоген в бочке —
Битник прямой с виду.
Носил, подвязав шнурочком,
Латаную хламиду.

Лепешка да кружка воды
На камушке под рукой,
И окромя бороды —
Собственности никакой.

Простите, забыл совершенно:
Фонарь был у Диогена.

И этот чадящий снаряд
Таскал Диоген упрямый,
Что было, на мой взгляд,
Сущей саморекламой:

Дескать, народ, кумекай,
Куда это мы прем:
В поисках человека
Шествуем с фонарем.

Эх, Диоген, приятель,
Эх, Диоген, дружок!
Даром ты время тратил,
Зря фитили ты жег!

Послушай-ка, Диоген, —
Выброси свой рентген!
Зряшным ты занят делом:
Человек не бывает целым.

Человека на сто черепков
Время ломает сразу,
А потом в течение веков
Собирают его как вазу.

Начнут собирать с осколка,
А этих осколков сколько?

Шел я Английским парком,
Осенью шел я мюнхенской —
И сероглазой баварке
Прямо в зрачки я плюхнулся.

Когда-нибудь вам придется,
Искатели черепков,
Вытаскивать, как из колодца,
Меня из ее зрачков.

Бессонно сереют лица,
И без единого проблеска
Всё еще где-то длится
Ужас ночного обыска,

И всё еще под наганом
Я у стены стою.
Где? Под каким курганом
Найдут эту ночь мою?

Какою землечерпалкой
Разворошат они
Набросанные вповалку
Ночи мои и дни?

И кто-нибудь, интересной
Находкою изумлен,
Скажет: смотрите, треснул
По сердцевине он!

В пазухе темной ямы
Юность найдут мою.
Разве я тот же самый
В баре нью-йоркском пью?

Лихо бокалом звякая,
Празднично пью при свечах.
Со мною поэт — гуляка,
Бабник и весельчак.

Девочка из Боготы
Смеется за нашим столом,
И годы идут как готы
В снегу за ночным стеклом.

Звезды в бокалы капают,
Тонут в вине сиреневом
И кто-то уже откапывает
Нас, занесенных временем...

Куда тебе, Диоген,
С твоею коптилкой зряшной!
Попробуй, найди мой день
Вчерашний иль позавчерашний, —

День, что уже прожит
И отбыл во тьму веков.

Кто же меня сложит,
Как вазу из черепков?

Мой город грозный, город грандиозный,
Под небом звездным, сам как небо звездный.

Он весь в кометах, весь он в метеорах,
И сполохов на нем навален ворох.

В прожекторах, в светящихся рекламах
Он полыхает как волшебный замок,

И Млечный путь не возгордился чтобы,
Есть Встречный путь — ночные небоскребы!

Каскадом, звездопадом, светопадом
Автомобили мчат по автострадам.

И проносясь в автомобильном гуде,
Мы за рулем кентавры, а не люди.

Аэропланы, блещущие хромом,
Соперничают с молнией и громом,

И океанский пароход неожиданно
Просвечивает четверть океана,

И входит в порт качающимся, длинным,
В пять этажей пылающим камином.

А мы всю ночь валом куда-то валим
По вертикалям и горизонталям.

В такую высь нас поднимают лифты,
Откуда слышны ангелов молитвы,

Но лифтов металлические кубы
Не к ангелам, несут в ночные клубы,

Где джаз звенит на крыше небоскреба
И негр поет с завывом и захлебом.

Мы по ночам все выброшены вверх,
В какой-то многоцветный фейерверк

Арен, эстрад, экранов, галерей,
В мой город всех ветров и всех огней,

В мой город всех огней и всех ветров,
Где погибаем мы от катастроф...

НОВОГОДНЕЕ

Ночка новогодняя
В звезды разодета.
Никуда негодная
Катится планета.

Что ты кружишь попусту,
Что ты мчишься в темень,
Наклонив над пропастью
И Москву, и Бремен,

И Париж, и Токио,
И Милан, и Сочи,
И летят высокие
Ледяные ночи.

И в Чехословакии,
В Англии, в Китае,
Слышно — звезды звякают,
Отблески кидая.

Где-то кружат спутники,
И луна могуче
В рыцарском нагруднике
Прошибает тучи.

И жестикулируя
Шумно и вульгарно,
Снег полемизирует
Со столбом фонарным.

И опять, с опаскою
В будущее глядя,
Пьем с тобой шампанское
В полночь в снегопаде.

Пьем вино мы колкое,
Чокаясь, мы вспомним —
С Новым Годом! (сколько их!)
С Новым счастьем (что в нем!)

О хрусталь, красавица,
Хрусталем ударим!
Дай нам Бог управиться
И со счастьем старым.

Вот мои комнаты светлые, ясные.
Окна с огромными ветками ясеня.

Ваза на столик поставлена с розами,
В гости ко мне все друзья мои позваны.

Слышно, как ветки за окнами возятся.
Только у двери ни стука, ни возгласа,

Только уж слишком светло и торжественно,
Слишком возвышенно небо развешано,

Слишком он холоден, свет этот брызнувший,
Слишком прозрачный и слишком он призрачный,

Кажется — это не розы на столике,
А над хрустальной вазою сполохи.

Ваза и розы и ветки за стеклами,
Небо закатное с кровоподтеками, —

Сколько простора и света и воздуха!
Но ни один не явился из позванных.

Я разминулся с друзьями во времени,
Где-то они за окном, за деревьями,

За океаном, за всеми закатами,
Где-то затеряны, где-то запрятаны,

Может быть даже вас нет на земле еще,
Круглой земле между звезд зеленеющей,

Где для меня было самое высшее —
Это мгновенье и это двестишше.

Может быть встретимся где-нибудь в воздухе
На подвесном, на приснившемся мостике

И покачаем по небу наискось,
Там, где осанисто плавают аисты.

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Эмигранты, хныкать перестаньте!
Есть где, наконец, душе согреться:
Вспомнили о бедном эмигранте
В итальянском городе Ареццо.

Из-за городской междоусобицы
Он когда-то стал невозвращенцем.
Трудно было, говоря по совести,
Уцелеть в те годы во Флоренции.

Опозоренный и оклеветанный
Вражескими ложными наветами,
Дважды по одним доносам грязным
Он заглазно присуждался к казни.
В городе Равенне, на чужбине,
Прах его покоится поныне.

Всякий бы сказал, что делу крышка,
Что оно в веках заплесневело.
Но и через шесть столетий с лишком
Он добился пересмотра дела.

Судьи важно мантии напялили,
Покопались по архивным данным.
Дело сочинителя опального
Увенчалось полным оправданьем.

Так в законах строгие педанты
Реабилитировали Данте!

На фронтонах зданий гордый профиль
Сколько неутешных слез он пролил
За вот эти лет шестьсот — семьсот...
Годы пылью сыпались трухлявой.
Он давно достиг уже высот
Мировой несокрушимой славы.

Где-нибудь на стыке шумных улиц
В небольшом пыльнозеленом сквере
Он стоял, на цоколе сугулясь,
Осужденный Данте Алигьери.

Думал он: в покое не оставят,
Мертвого потребуют на суд:
Может быть, посмертно обезглавят,
Иль посмертно, может быть, сожгут.

Но в двадцатом веке, как ни странно,
Судьи поступили с ним гуманно.

Я теперь смотрю на вещи бодро:
Время наши беды утрясет.
Доживем и мы до пересмотра
Через лет шестьсот или семьсот.

Я с вами проститься едва ли успею.
Ракета на старте и близится запуск.
Меня высылают на Кассиопею,
В какую-то звездно-туманную зябкость.

Еще я случившимся всем потрясен.
Себя донимаю вопросом невольным:
Зачем я отправился на стадион?
Как я очутился на матче футбольном?

Ракета рванется — и был я таков,
Меня понесет к фантастическим высям,
Не ждите моих телефонных звонков,
Не ждите моих телеграмм или писем.

Трагически выбросив руки вперед,
В толпу нападавших ворвался голкипер.
Сто тысяч людей на трибунах орет,
Сто тысяч качается с ревом и хрипом,

Как будто гремит на трибунах хорал
И сто Ниагар низвергается дико,
И как же случилось, что я не орал,
Что я не издал ни единого крика!

Умильно глаза к небесам возведя,
Мне так говорил на прощанье судья:
— Я счастья желаю вам в мире ином.
Вам нечего делать на шаре земном.

Вокруг меня злобою воздух сожжен,
Мотаются лица, гримасами пенясь,
Орут мне — стилига, кричат мне — пижон,
Шипят — тунейдец, вопят — отщепенец!

Уже адвокаты меня не спасут,
Уже отреклись от меня адвокаты,
Уже надо мной показательный суд!
Повсюду собранья, повсюду плакаты,

Я враг человечества — я не орал,
Когда человечество дружно орало,
Меня посадили в тюремный подвал.
Я ночью на звезды гляжу из подвала.

И вот среди звездной сверкающей пыли
Уже я лечу небосводом ночным,
Как будто меня ослепительно вбили
В ворота вселенной ударом штрафным!

Спрашивал ответа
У лингвистов,
Как перевести
С языка ветра
На язык листьев?

Ветер только-только
По веткам
Проскакивает.
А листья тонко-тонко
От ветра
Позвякивают.

Верзила-ветер,
Поди спроси его,
О чем он по-петербургски грассировал,
А листьям казалось,
Что ветер с ними вальсировал.

Как перевести
С языка звезды расплесканной
На язык воды распластанной?

Смотрит звезда в водоем,
Влюбленные бродят вдвоем.
Каждый говорит о своем.
Каждый говорит о своем.

Как перевести,
Что мне говорят сады —
На язык моей ночной беды?

Как перевести, мой друг,
На язык вот этих строк
Веток стук,
Листьев говорок?

Что там — смех,
Или там плач?
Я, как на грех,
Плохой толмач.

Лужица сушится
У фонаря.
Над лужицей кружатся
Два воробья.

Может быть
Говорит
Воробей воробью:
— Я тебя перепью, перепью!

А может
Чирикают два воробья,
Ни о чем по сути не говоря.

Найдите-ка переводчика
Для этого разговорчика.

Вот сижу со всякими
Зеваками.
Приникаю к лунному лучу.
Даже с музой
Объясняюсь знаками,
Сам не знаю,
Что я бормочу.

Я просыпаюсь
И рассыпаюсь.

Но не на части, не на куски, —
От меня откалываются двойники.

Отделяются
И удаляются.

Один из них ставит чай на плиту
И молоко наливает коту.

Еще сонный, еще ночной
Разговаривает с женой.

А щеки бреет который —
Зацапан уже конторой.

В учреждении оном
Он лает по телефонам.

И скоро его нутро
Будет трястись в метро.

А третий — поэт, лунатик —
Сшибет его ветра натиск!

А доведется около
Какой-нибудь юбке вертеться —
Она у него как колокол
Раскачивается в сердце.

Он удивлен. И слышно,
Как дышит четверостишно.

Нас всех рисовал художник,
Художник из тех, дотошных.

Все вышли как на портрете —
Первый, второй и третий.

Я выгляжу как начальник:
Не голова, а чайник.

А вместо руки обрубок
Из телефонных трубок.

Кот о пиджак мой трется,
И у меня с ним сходство.

А у плиты жена
Пылает, подожжена.

И на жену из блюда
Молочные струйки льются.

И всем нам наперерез:
МЕНЕ-ТАКЕЛ-ФАРЕС

С соответственным переводом:
НЕ ОПОЗДАЙ НА РАБОТУ.

Выдала кисть кубиста,
Что такое убийство.

ДРАКОН НА КРЫШЕ

Пробивают в асфальте дыру
И сажают в нее деревцо,
Чтоб шумело оно на ветру
И кидало мне листья в лицо.

И окно пробивают в стене,
Чтобы вставшая из-за моста
До рассвета качалась в окне
Голубая большая звезда.

Видно так на земле повелось, —
У художника та же судьба:
Пробивают нам душу насквозь,
Чтоб запела душа как труба.

Птица бьет изо всех своих сил
Против ветра упрямым крылом.
Бог вселенную всю проломил,
Чтобы небо поставить в пролом.

Вы говорите, якобы
Поэты одинаковы.

Попробуйте всмотреться —
По-разному отмечены:
Тот пишет кровью сердца,
А этот — желчью печени.

Кто пишет потом, кто слезой,
Кто половиною железой.

Один, как бас-профундо,
Гудит на вас простудно.
Другой берет одни верхи
Нежнейшим колокольчиком,
А я, мой друг, пишу стихи
Глазного нерва кончиком.

А что мне делать с красотой,
В мои глаза накиданной?
С такой крутой, такой литой,
С такую неожиданной?

ОТВЕТ

*Попробуйте меня от века
оторвать!
О. Мандельштам*

Насмешливый голос
По телефонному
Проводу.

И все по тому же
Неугомонному
Поводу.

Стихи сочиняете?
Стали поэтом горластым.
Стихи начинаете
Всяким ненужным балластом.

Рычанья растративши,
В горле мозоли натерши,
Хрипит ваша муза —
Ораторша
И резонерша!

И локти притиснув,
Кидается в самую давку,
Торгуется с жизнью,
Стучит кулаком по прилавку!

Хрипи — не хрипи,
А чем дальше — тем хуже и хуже.
Поэзия — то, что внутри,
А не то, что снаружи!

— Мой враг телефонный!
Я все это слышал частенько.
Хотите, чтоб я умиленно
И тенькал и тренькал?

Мне этого мало!
Поэт не рождается, чтобы
Копаться в анналах
Своей драгоценной особы.

Я здесь.
Я со всеми.
С моею судьбою земною.
Снаряд баллистический — время
Свистит надо мною!

И что мои ахи
И охи,
И все мои вздохи
В обвале и крахе
И грохоте целой эпохи?

Меня не отделишь
От времени. С ним не рассоришь!
Я сын его гульбищ и зрелищ,
Побоищ и сборищ!

Я сын его торжищ
И гноищ, позорищ и пиршеств!
Меня не отторгнешь
От времени. С мясом не вырвешь!

Ракеты, ощерясь,
Хрипят в межпланетных просторах,
А вы мне про шёпот, про шелест,
Про лепет, про шорох?!

Лечу вышиною
Стремительно, губельно, круто —
И стих для меня — вытяжное
Кольцо парашюта.

На луне ни звука
Ни шороха.
На луне ни друга,
Ни врага,

Ни бурьяна,
Ни чертополоха.
Как нирвана —
Ни стона, ни вздоха.

Только тишь,
Только тени-громадины,
Только камень-голыш
Да впадины.

Небо смерклось.
Студеным мраком
Обложило со всех сторон.
Членистоногою раскорякой
Сел на поверхность
Луны
Аполлон.

Сел и выставил глаз-конус
На лунную оголенность.

На луне всегда как перед бурей,
На луне всегда как пред грозой,
Ни травинки,
Только бурый, бурый
Шлак,
Древнее, чем палеозой.

Даже воздух кажется массивным.
На луне всегда как перед ливнем.

Только все на луне неизменно.
Все застыло, и сдвинуть нельзя.
Не бывает ни бури, ни грома, ни ливня,
Ни грозы, ни дождя.

Только душный сияющий чад,
И в чаду этом душном стучат
И звучат
Небывалым концертом,
Сонатой Аппассионатой,
Сердце с сердцем —
Сердца астронавтов.

Ты, земля, пролетаешь во мраке,
Звезд блестит над тобою пыльца.
На тебе точно красные маки
Расцветают сердца.

Ты сердца, как букеты,
На другие бросаешь планеты.

И своими сердцами
Миры наделя
Как дарами,
Твои дети,
Земля,
Играют шарами-мирами.

СО ДНА

Сергею Бонгарту

За день выжало, уморило.
Шторы наглухо! Дверь замкну!
Погружается субмарина
В океанскую глубину.

Люк завинчивай впритирку,
Закрывай иллюминаторы,
Я забьюсь в свою квартирку,
Как на дно упрятанный.

На житейскую поверхность
Перископ не выставлю,
Ослепительно низвергнусь
В темень аметистовую.

Я нашел себе страну
Ту, что научилась
Погружаться в глубину,
Точно Наутилус.

И пускай в подводном иле,
Отдаваясь гулами,
Шастают автомобили
Темными акулами,

И кидаются в меня
Световыми сваями, —
Комнатушечка-броня,
Ты непробиваема!

Ты непробиваема,
Ты неуязвима!
И акулы стаями
Проплывают мимо.

Мне не надо ЛСД
Или кокаина.
Я ночую на звезде
Из аквамарина.

Жил на пятом этаже,
Да уплыл с квартирою,
И на дне морском уже
Я фосфоресцирую!

Я плыву подводной спальнею,
И до утренней зари
На поверхность социальную
Я пускаю пузыри.

А ученый дяденька,
Чистенький и гладенький,
Где-то в кабинетике
В дебрях кибернетики.

У приборов топчется
Бородатый агнец,
И больному обществу
Ставит он диагноз.

«В наш период атомный
Для леченья сердца, —
Говорит он, — надобны
Взрывчатые средства!

Этим человечество
Сразу же излечится!
Людам в наши времена
Помогает дивно
Туча, ежели она
Радиоактивна!
Приходите все погреться
В золотых лучах прогресса!»

Он как петрушка площадной
Выскакивает над страной.

И, щупленький и сухонький,
С морщинками на личике,
Он сам себе на кухоньке
Поджаривает блинчики.

Но хоть пожить он любит вкусно
Хоть любит чай с вареньем он,
Как современное искусство
Почти что он развоплощен.

Почти прозрачен,
Совсем спрессован,
Он не иначе
Как нарисован.

Но взрывы так красноречивы,
Что все кругом потрясено,
И до меня доходят взрывы
На аметистовое дно.

Я знаю: вселенная где-то изогнута,
И Бог по вселенной гуляет инкогнито.

А тут человек, непонятный как призрак,
Швыряется взрывами в огненных брызгах!

И я убегаю побежкой волчьей
И прячусь за всей океанской толщей.

Ночной темнотою укрыт как щитом,
Я выдумка тоже. Я тоже фантом.

Я тоже нелепица, дикость, абстракт,
И снюсь я кому-то сквозь лунный смарагд.

И я, уходящий все глубже и дальше,
И тот — на поверхности жизни — взрывальщик —

Далеким потомкам в столетьи ином —
Покажемся оба чудовищным сном.

Но знаю: меня они все-таки вспомнят,
Заглянут ко мне в аметистовый омут,

Моим одиночеством темным звеня,
Как груз потонувший подымут меня.

ГИМН ЦЕНЗОРУ

Цензор!
Ты надо мной как Цезарь.
Я грезил,
А ты резал!

Режь меня
Грешного!
Не печалься —
Ты же начальство!

Ты — единственный
Из земных детей,
Знающий истину
Во всей ее полноте.

Поэт со стихом носится!
Радуется — сочинил!
Но у тебя ножницы
И бочка красных чернил!

Ты,
Преданный
До глубины души
Своей эпохе,
Тебе ведомо,
Какие стихи хороши,
Какие плохи.

Ты даже
На вздохи ветра
Накладываешь вето!

Мерой твоей мерим!
Курс на тебя берется!
Ты облечен доверием
Мудрого руководства.

Целовал я дамочку
(С каждым может случиться)
И в подколенную ямочку,
И в ключицу!

Но ты, с наскоку
Ринувшийся в баталию,
Крикнул: целуй в щеку!
Руку клади на талию!

И сразу же я, опомнясь,
Провозгласил скромность!

Нравился мне
Вольный стих,
Непроизвольный стих!
Но ты закричал:
Никаких вольностей!
И я стих!

Обещаю
Не быть неряхой,
Резать строки
Ровно, как сельдерей!
Да здравствует
Амфибрахий,
Анапест,
Дактиль,
Хорей!

Я буду бряцать лирой,
А ты — меня контролируй!

Ты укажи поэту,
Что подлежит запрету,
И сообщи заодно,
Что славить разрешено.

Ты, кто мудр и непогрешим,
Светом своим осени нас.
А мы стихи писать поспешим
Распивочно и навывнос.

Я прыгнул из окна,
Но не сорвался вниз,
А в воздухе повис,
Как радиоволна.

А в комнате остались
Часы и календарь.
Там тень моя, состарясь,
Глядит в окно как встарь.

А я вверху, в вечернем
Сиреновом дымке,
А я в четырехмерном
Воздушном гамаке

Плыву как астероид,
Сиянием дразня.
Вы можете настроить
Приемник на меня.

Я — звездный зазывала.
Скользя по облакам,
Я шлю мои сигналы
Таким же чужакам,

Мечтателям, поэтам,
Захватчикам высот,
Кто сам себе планета
И свет в себе несет,

Кто не в ладах с причалом,
Кто кружит одинок
По кривизнам печальным
Отверженных дорог.

Я стою под березой двадцатого века.
Это времени самая верная веха.

Посмотри — на меня надвигаются ветки
Исступленнее, чем в девятнадцатом веке.

Надо мною свистят они так ошалело,
Будто шумно береза меня пожалела,

Словно знает береза: настала пора
Для берез и поэтов — пора топора.

Словно знает береза, что жребий наш черен,
Оттого, что обоих нас рубят под корень,

Оттого что в каминах пылают дрова,
Оттого что на минах взрывают слова.

Я стою — и тоски не могу побороть я,
Надо мною свистят золотые лохмотья.

Вместе с ветками, руки к потомку тяну я,
Я пошлю ему грамоту берестяную.

И правдиво расскажет сухая кора
Про меня, про березу, про взмах топора.

Может быть — мучение,
Может быть — прощание —
Для волны — свечение,
Для звезды — качание.

Месяца горение
Над леском проселочным
Дереву ранением
Кажется осколочным.

Может быть, для гения
Означает творчество
Судорогу жжения,
От которой корчатся.

Может, наказания
Мера наивысшая —
Не четвертование,
А четверостишие.

Всё на свете мучится,
Что красую светится;
Этим свет и крутится,
Этим свет и вертится.

Мы далеки от трагичности:
Самая страшная бойня
Названа культом личности —
Скромно. Благопристойно.

Блекнут газетные вырезки.
Мертвые спят непробудно.
Только на сцене шекспировской
Кровь отмывается трудно.

Всем и каждому у нас одна дорожка,
Жизнь устроена как русская матрешка.

Всё едино — правит хамство или барство,
Сверху грубая матрешка государства.

А попробуй приоткрыть ее немножко —
В ней торчит национальная матрешка,

А внутри ее лежит — как ты ни цыцкай! —
Пеленашечка матрешки большевицкой!

Но и это — только ложная обложка,
В ней культуры нашей вложена матрешка.

Открываешь — удивляешься сверх меры —
В ней матрешка православной нашей веры,

А потом пойдут сниматься как одежды
Родовые и семейные матрешки,

И в какой-нибудь матрешке двадцать пятой
Я покачиваюсь голый и мохнатый.

Проходил я через зал, через зал.
Я поэт и фантазер, фантазер.
Подошел я к режиссеру и сказал:
— Уходи и не мешай мне, режиссер!

Только знаю — не уйдет, не уйдет.
Он стоит и говорит, говорит:
— Лучше руку ты вытягивай вперед,
Принимай-ка поторжественнее вид!

Сколько раз мне повторять, повторять:
Мне не нужен твой урок, твой урок.
Но мне слышится опять и опять
Режиссерский говорок, говорок:

— В этом месте нажимай, нажимай!
Без нажима не проймешь, не проймешь!
Я послушался — хватил через край,
И стихи я загубил ни за грош!

Пусть у каждого дорога своя,
Дайте каждому полет и простор!
Отвяжись ты, отвяжись от меня,
Не мешай мне, не мешай, режиссер!

Но он где-то возле стен, возле стен
Продолжает тарыхтеть, тарыхтеть,
И в квадратики его мизансцен
Попадаю я как перепел в сеть.

Был когда-то я удал-разудал,
По колено были все мне моря,
Но я чувствую, что куклою стал,
Кто-то дергает за нитку меня.

В один голос недрузья и друзья
Утешают: «Ничего, ничего,
В том и выразилась драма твоя,
Что игралась в постановке его!»

Лидии Шальнойной

На проспекте сносят дом.
Старый дом идет на слом.

Сокрушая непрерывно
Дома пыльное нутро,
Стенобитного тарана
Свищет в воздухе ядро.
Оседают, грохоча,
Пирамиды кирпича.

Обнажается проем,
Где сидели мы вдвоем
За обеденным столом.
Всё на слом идет, на слом.

Вот и нет окна уже
На четвертом этаже,
Освещенного луной,
С папиросою ночной,
С переливчатым стеклом.
Всё на слом идет, на слом.

Только сердце непременно
Хочет всё на старый лад —
Там, где выломлены стены,
Люди в воздухе висят.

Люди ходят, люди курят
В высоте и в пустоте,
А на самой верхотуре
Позабылись двое те,

Будто плавают в воде,
Иль подвешены к звезде.

И становится мне страшно
Этой выси голубой,
Где качаюсь я вчерашний
Над сегодняшним собой.

Где-то там, вверху, в проломах,
Я остался в прошлых днях,
Я запутался в объемах,
Я застрял во временах.

Это сердце дни и ночи
Глухо хлопает крылом
И минувшего не хочет
Ничего отдать на слом,
И из сил последних самых
Подымает надо мной
Памяти воздушный замок
Там, где рухнул дом земной.

Чучелом в огороде
Стою, набитый трухой.
Я — человек в переводе,
И перевод плохой.

Сколько я раз, бывало,
Сам себе повторял:
— Ближе к оригиналу!
А где он, оригинал?

Оригинал видали, —
Свидетели говорят, —
В Киеве на вокзале,
Десятилетия назад.

Кругом грохотал повальный
Артиллерийский гул.
В зеркале вокзальном
Оригинал потонул.

Ворошить не хочется
Давние дела.
Наспех судьба-переводчица
Перевела-наврала.

Я живу на расстоянии
От страны моей студеной.
Я живу — на заикание
С языка переведенный.

И живу я в переводе
С неустройства на уют.
У меня на стол по моде
Со свечами подают.

И внутри моей машины
Мягкие сидения.
Я переведен на шины
С пешего хождения.

Без особого урона
Мой испуг переведен
С лозунгового жаргона
На рекламный жаргон.

Точно бред политбесед,
Распродаж ажиотажа!
Пунцовею, разогрет,
В пот меня кидает аж!

В оригинале — откровенье,
А в переводе — подражанье,
В оригинале — вдохновенье,
А в переводе — прилежанье!

В оригинале — на восходе,
И на закате — в переводе!

И по прямой — в оригинале,
А в переводе — по спирали!

И я волшебник по природе,
А литератор — в переводе,

В оригинале я — на взводе,
Навеселе в оригинале,
А на режиме в переводе,
И переводу до вина ли?

Скользило время еле слышным,
А стало звонче междометья.
В оригинале — двадцать с лишним,
А в переводе — полстолетья!

ПЕРЕЕЗД

Переезд! Переезд!
Руки к небу! Скорбный жест!
Вот подъедет грузовик
По-гомеровски велик,
И могучий скрип осей
Вновь услышит Одиссей.

Переезд! Переезд!
Наш кочевнический крест!
У того грузовика
Сталью крытые бока.
Затрещит моя тахта,
Словно в чреве у кита!
Силачи на страшный суд
Наши вещи понесут!

Переезд, переезд!
Сколько мы сменили мест!
Снова катится фургон
По полям во весь разгон!
Автострада, акведук,
О сундук гремит сундук
О кровать гремит кровать.
Наше дело — кочевать.

Переезд, переезд!
Бог не выдаст, страх не съест!
Горы полук, связки книг
Затолкали в грузовик,

В грузовик отнесены
Все картины со стены!
И уже в квартиру ту
Напустили пустоту.

Сколько езжено — переезжено!
Кто подводою в Рим из Нежина,

Кто с Соломенки — да в Салоники
Под заливистый плач гармоники,

Кто — в игорную Калифорнию,
В море Черное ночью черною,

А иной, весь век свой валандавшись,
То в Голландию, то в Лос-Анджелес!

Сколько мыкано-перемыкано,
В карты всякие пальцем тыкано,

Сколько охано-переохано,
По чужим шоссе верст отгрохано!

То по небу я лечу,
То по морю плаваю.
Может — славы я хочу
И гонюсь за славою?

То я в поезде качу,
То трясусь с телегою.
Может — счастья я хочу
И за счастьем бегаю?

Я баранку кручу,
Я педали тискаю...
Может — денег я хочу,
За деньгами рыскаю?

Эх колеса-вертушки,
Нескончаемый гул!
Может, просто из пушки
Кто-то нами пальнул!

Кто же рельсовым гулом
Душу нам порастряс?
Что же нас подхлестнуло,
Что подбросило нас?

Что за чудная сила
Подняла, понесла,
Будто в спину забила
Два проклятых крыла?

— То, что в небе высоком,
В стороне голубой
Было греческим роком —
Стало русской судьбой.

Переезд, переезд,
Как еще не надоест!
Справа поле, слева поле,
И маячит в поле шест.

Переезд, переезд.
Город. Здание. Подъезд.
Входим в новую квартиру,
Будто взяты под арест.

Переезд, переезд.
Вот и ночь уже окрест,
И летят, летят в пространство
Звезды, сорванные с мест.

Я сначала зашел в гардероб,
Перед тем как направиться в зал.
Сдал на время мой крест и мой гроб,
И мой плащ, и кашне мое сдал.

Потолкался в театре ночном,
Где хрустальная люстра плыла,
Где в толпе в амплуа я одном,
А на сцене — в другом амплуа.

Но со мною — вечерний прибой
И закатного солнца струя.
Непрерывно в театры с собой
Приношу декорации я.

Я недаром привесил звезду
К девятнадцатому этажу.
Вот сидишь ты в переднем ряду,
А я в синем луче прохожу.

Сквозь меня он как нитка продет,
И в луче я почти неживой.
И всплывает нью-йоркский рассвет
Прямо в белую ночь над Невой.

Но не ждут уже больше друзья
Там, где времени ветер прошел.
Потому и к созвездиям я
Обращаюсь как в адресный стол.

Да немного узнаешь у звезд —
Только стужа вверху голосит,
И опущенный в прошлое мост
Над рекою забвенья висит.

Анатолию Сапронову

Как только на шахматы брошу я взгляд,
Всегда загораюсь веселым огнем:
Готовые к бою фигуры стоят,
И каждая пешка на поле своем.

Как в жизни — расписано все по ролям,
У всех свое место, и всем свой черед.
И можно назад отступить королям,
Но пешки идти могут только вперед.

Мой день, моя ночь еще крепко стоят,
Как белый квадрат и как черный квадрат.

Я тоже на шахматном поле стою,
Я тоже игру защищаю мою,

Еще мое сердце стучит и стучит
На стыке маневров, атак и защит!

Но с поля когда-нибудь снимут меня
Каким-нибудь каверзным ходом коня

За то, что я, силы своей не жалею,
Кидался по следу чужих королей,

За то, что с позиций, разгромленных вдрызг,
Я шел на предсмертный, восторженный риск!

За то, что сыграть не умел я в ничью, —
За все это гибелью я заплачу!

Навстречу мне — вражеских пешек навал,
И вот он, король мой, на смертном одре...
Но если я даже игру проиграл,
Я все же участвовал в этой игре!

Женщина в блеске свечей
Сидит, опершись на локоть.
Это из тех вещей,
Которые хочется трогать.

Казалось, чего уж проще —
Также и у моллюска.
А тронешь — на ощупь
Под блузкой —
Музыка
Каждый мускул.

Глаза в нее погружаю
И чувствую, что дурею.
Меня заряжает
Как батарею.

Многие мне страны
Были в пути обещаны,
И все-таки самой странной
Страною была женщина.

Томит миражем
В пустыне,
Пока не ляжем
И не остынем

В ее трясине,
В ее болоте,
В низинах
Ее плоти.

Ученый умно втолковывает,
Где точка, а где тире.
А поэт сидит и приковывает
Петуха к заре.

Что точка в земном пути?
Жить от нее не легче.
А у поэта, как ни крути,
Певчий петух. Певчий.

Поэт облюбует площадь,
Солнцем ее полощет.
Тут ведает всем булыжник
И голубь — его сподвижник.

А ночью, как на параде,
Поэт красоваться рад,
И у поэта во взгляде
Уличный звездопад.

Слышен ветра окрик.
Ветер-хореограф
Пляшущих огней,
Скачущих теней.

Уже серебрятся
Огни на мостах,
Уже декорации
Все на местах,

И в светопаде и в блестках
Поэт стоит на подмостках.

И, начиная кидаться
В прожекторную струю,
Поэт в своих декорациях
Ставит драму свою.

И встает метеором
В световом ореоле
Та — которая
В главной роли.

В небе первозданном
Техникой наплывной
Лицо ее крупным планом
Ложится на город ночной.

Он глянет наверх —
И гибнет заранее.
Он — человек,
А она — сияние.

Пытается он втереться
В мерцающее соседство.

Но со своею тяжестью
И с кряжистою тенью,
Никак он не развяжется
С законом тяготенья.

Ему — расстояние,
Ему — отречение,
А ей — сияние,
А ей — свечение.

И, обдавая сиянием,
Она проплывает над зданием,

А он соскользнувшим лучом
Закалывается как мечом,

И на своей арене,
На перекрестке ночном
Истекает стихотвореньем —
Светящимся красным пятном.

Я сегодня прочитал за завтраком:
«Все права сохранены за автором».

Я в отместку тоже буду щедрым —
Все права сохранены за ветром,

За звездой, за Ноевым ковчегом,
За дождем, за прошлогодним снегом.

Автор с общественным весом,
Что за права ты отстаивал?
Право на пулю Дантеса
Или веревку Цветаевой?

Право на общую яму
Было дано Мандельштаму.

Право быть чистым и смелым,
Не отступаться от слов,
Право стоять под расстрелом
Как Николай Гумилев.

Авторов только хватило б,
Ну, а права — как песок.
Право на пулю в затылок,
Право на пулю в висок.

Сколько тончайших оттенков!
Выбор отменный вполне:
Право на яму, на стенку,
Право на крюк на стене,

На приговор трибунала,
На эшафот, на тюрьму,
Право глядеть из подвала
Через решетки во тьму,

Право под стражей томиться,
Право испить клевету,
Право в особой больнице
Мучиться с кляпом во рту!

Вот они — все до единого —
Авторы, наши права:
Право на пулю Мартынова,
На семичастных слова,

Право как Блок задохнуться,
Как Пастернак умереть.
Эти права нам даются
И сохраняются впредь.

...Все права сохранены за автором.
Будьте трижды прокляты слова!
Вот он с подбородком к небу задранным
По-есенински осуществил права!

Вот он, современниками съеденный,
У дивана расстелил газетины,
Револьвер рывком последним сгрёб —
И пускает лежа пулю в лоб.

Вот он, удостоенный за книжку
Звания народного врага,
Валится под лагерною вышкой
Доходягой на снега.

Господи, пошли нам долю лучшую,
Только я прошу Тебя сперва:
Не забудь отнять у нас при случае
Авторские страшные права.

АМНИСТИЯ

Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.

Вероятно на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, —
Наверное жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.

Верно тоже на пенсию вышел.

А если он умер,
То наверное жив человек,
Что пытал на допросах отца.

Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.

Может быть, конвоир еще жив,
Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

Наверное появится заметка,
А может быть и целая статья,
В которой обстоятельно и метко
Определят, чем занимался я.

Какие человечеству услуги
Я оказал. В чем был велик, в чем мал.
Какие в гроб свели меня недуги,
Какой меня священник отпевал.

Цитаты к биографии привяжут,
Научно проследят за пядью пядь.
А как я видел небо — не расскажут,
Я сам не мог об этом рассказать.

Кто передаст температуру тела,
Которую я чувствую сейчас?
Ведь никому нет никакого дела
До рук моих, до губ моих, до глаз.

Я в каждое мое стихотворенье
Укладывал, по мере сил своих,
Мое дыханье и сердцебиенье,
Чтоб за меня дышал и жил мой стих.

По земле шатаюсь я давно,
И везде вожу с собой окно.

Хоть люблю я в жизни перемену,
Но окно всегда вставляю в стену.

Приглашаю я в окно закат.
Птицы пусть в окне моем летят.

Ветку на окно мое кладу,
Рядом сбоку вешаю звезду.

Или, чтоб увидел целый свет,
Создаю ночной автопортрет, —

В раме, за стеклом, стою в окне,
Свет фонарный шастает по мне.

Пусть стоит вселенная вверх дном,
Мне не страшно за моим окном!

Я поеду в городок морской,
Я мое окно возьму с собой

И у волн поставлю непременно,
Пусть окно окатывает пена,

Пусть там волны ходят ходуном,
Хорошо мне за моим окном!

Я от океана отделен,
В раме океан, и застеклен!

Каждым утром, сразу после сна,
Я выбрасываюсь из окна

И лечу на камни мостовой
В мир невыносимо-деловой.

ДРАКОН НА КРЫШЕ

В новогодние сугробы
Город празднично влезал.
С верхотуры небоскреба
Грохал аэровокзал.

Там стрекочут вертолеты
Дни и ночи напролет,
Подымаются в высоты,
Опускаются с высот.
И оттуда пассажир
Улетает в звездный мир.

Старт без всяких разворотов
Прямо к звездам обращен.
Там двенадцать вертолетов,
А тринадцатый — дракон.

Он уселся на карниз
И поплеывает вниз.

На драконе чешуя,
Он в буграх и лишаях...
Вам открою душу я —
А дракон на крыше — я!

Горькой жизнью умудренный,
Я, как Гофмана герой,
Навсегда ушел в драконы!
Я за них стою горой!

Я вчера девчонку сгреб,
С нею шасть на небоскреб!

Там, в заоблачном Нью-Йорке
Скрыто логово мое...
А что есть святой Георгий —
Всё вранье! Всё вранье!

У меня горит пещера,
Черным светом залита!
У меня клубами сера
Изо рта, изо рта!

Дым столбом стоит от оргий
У меня, у меня!
А что есть святой Георгий —
Болтовня! Болтовня!

Я люблю девчонок хрупких —
Поутру, поутру
Я их прямо в мини-юбках
Так и жру! Так и жру!

Что касается съестного —
Я удал-разудал!
Никогда того святого
Не слышал, не видал...

Вот сейчас взмахну крылами —
Отходи поскорей!
На три метра свищет пламя
Из ноздрей, из ноздрей!

У святого — ни копья!
Не купить ему копья,
Не достать ему коня,
Не догнать ему меня!

Я сейчас снимусь со старта —
Улетаю в Бамбури:
Там на конкурсе поп-арта
Заседаю я в жюри.

Что святой? О нем ни слуха.
Не святой, а звук пустой.
Показуха! Показуха —
Ваш святой! Ваш святой!
Тьфу!

По желобку на потолке
Проскальзывает занавес.
А врач в халате, в колпаке,
Качается невдалеке,
Как будто из тумана весь.

По комнате туда-сюда
Плывет сестрица-рыбица,
А у врача-то борода
Как водоросли дыбится!

И начинается возня:
Надвинулись халатами,
Чтобы наверх тащить меня
Цепями и канатами.

А я лежу на самом дне,
На самом дне беспамятства,
А доктор что-то в ухо мне
Рычит тартарарамисто!

Меня, наверно, воскресят.
Случаются ведь странности.
И к человечеству назад
Препроводят в сохранности.

Я снова стану сгустком чувств,
Я снова стану хищником,
Я снова жадно восхищусь
Каким-нибудь булыжником!

Иль облупившейся стеной
С какой-нибудь царапиной,
Иль в дождь дорогою ночной,
Закапанной, заляпанной.

Занавеска над ванной как парус,
А я в ванне сижу и купаюсь.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Я купаюсь, я мылюсь, я парюсь,
Надо мной занавеска как парус.

Я смотрю, как искристая пена
Угасает на мне постепенно,

Уплывает в парах моя ванна
С занавескою из целлофана,

Уплывает средь пара и плеска
Целлофановая занавеска.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Моя очередь спать и проснуться,
Пить чай из цветастого блюдца.

Я свой собственный важный посол,
Уплывающий в мыльный рассол,

Я министр без штанов и портфеля,
Простофиля и пустомеля,

Моя очередь жить нараспашку,
Нализаться в веселой компашке,

Чтоб в звенящем, блестящем бокале
Далматинские звезды мигали,

Чтоб луна мне казала гримасы
(Занавеска звенит из пластмассы).

А луне холодок нипочем.
Так и прет с оголенным плечом.

За окном океаны косматы —
(Занавеска дрожит из пластмассы).

И меня пролетающий ангел
Поливает из лунной лоханки.

Звезды сваркой слепят автогенной,
Звезды падают мыльной пеной,

Занавеска как парус над ванной,
А я в ванне блаженный и пьяный.

Бряцающие рифмами орясины!
Печалитесь вы часто из-за осени.
А осень разудалым Стенькой Разиным
Плывет куда-то в струге многовесельном.

Гогочет ветер, где-то близко рыская,
Как будто в наши спутники назначенный,
И лист мелькает, как княжна персидская,
В глаза кидаясь пестрой азиатчиной.

А дуб стоит в своей короткой кожанке
Чуть загулявшим ветераном осени.
Мне весело, как в мастерской художника,
Где все картины красочно разбросаны.

Налей себе вина разгульной осени
И чарку до последней капли высоси:
Она из сердца вынет все занозины
И разрешит твои любые кризисы.

Прогуливаюсь, празднично утешенный,
По всем дорогам осени взъерошенной,
А ночью у меня луна подвешена
Перед окном огромною горошиной.

И ночь идет скрипящая и хлесткая,
И кажется — луна в окне расплавлена.
А утром неба синева матросская
Уходит в вечность, как уходят в плаванье.

Мне хочется поговорить о ветке,
Которую я полюбил навеки.

Мне хочется поговорить о ветке,
О ветхости, о ветоши, о ветре.

Мне хочется поговорить о ветке,
О как в окно ее удары вески!

Поговорить о синеве заветной,
Поговорить о синеве за веткой!

О ветке, что зеленым оборванцем
В мое окно так любит забираться,

О ветке, что советуется с ветром
О самом тайном и о самом светлом.

И осенью я очарован веткой,
Ее листвою с тигровою расцветкой,

Как будто под окно привел ноябрь
Костры и тигров и цыганский табор!

Но скоро вся листва уходит в отпуск,
Оставив только ветку, только подпись.

Я говорить хочу о ветке зимней,
О ветке, снеге, их любви взаимной,

О их любви взаимной, несусветной,
О как интимно снег слепился с веткой!

Я знаю их веселые повадки
Обледенев, позвякивать на Святки.

Когда-нибудь любви своей экзамен
Они сдадут весенними слезами.

Листьев взвинченный полет.
Сырость, слякоть, полумрак.
Этим я из года в год
Восхищаюсь как дурак.

Ветры в улицах трубят,
Сумасшедший акробат
Над ареною асфальта
Крутит траурное сальто.

И кричат ему «ура»
Сотни рыжих у ковра.
Я и сам такой точь-в-точь,
Так смотри же — не промажь.
До пощечин я охоч,
У меня такая блажь.

Я везде сую свой нос,
Я повсюду тут как тут,
Рыжих в шутку и всерьез
По лицу за это бьют.

Но я все-таки артист,
Хоть слыву я дураком
И лечу как желтый лист
По арене кувырком.

Знать в такой уж переплет
Мы попали, милый друг.
Что нам осень пропоет
В золотую ночь разлук?

Пропоеет, что дождь прошел,
И что он пройдет опять,
Что нам будет хорошо
Под гитару умирать,

Что летим мы на магнит,
Что нас тянет даль и ширь,
Что сосульками звенит
Серебристая Сибирь.

Всегда откуда-то берется
Какое-нибудь сумасбродство.

Всегда откуда-то берутся
Какие-нибудь безрассудства.

Какая-нибудь окоlesiца
Бог знает как в стихи заносится,

И оголтeлая нескладица
Бог знает как в стихи повадится.

Глядишь — и рифмами украсится
Какая-нибудь несуразица.

За мною числится бессмыслица,
Нелепица за мною числится,

За мною значится невнятица,
За мною путаница значится.

В моем хозяйстве неурядица,
Запасы как попало тратятся,

Вослед за словом слово катится,
Разноголосица, сумятица.

Стихи — пустяк, стихи — безделица,
Стихи без всякой цели мелются,

Пока кормилица-поилица —
Моя чернильница не выльется,

Вослед за словом слово гонится...
Зарница — звонница — бессонница.

Строится где-то, строится где-то
Дом для меня, дом для меня.
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Помню я дерево у плетня
В самом центре тихого лета.
Дерево это, дерево это
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Был когда-то друг у меня,
Где он — спроси у ветра ответа.
Свидимся где-то, обнимемся где-то
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Праздность моя, звездность моя,
Жизнь без расчета, жизнь без запрета —
В небе ты канула словно комета
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Только зубы покрепче стисни —
Выстроим дом, выстроим дом
Там за углом, за углом жизни,
Там за углом, там за углом.

Стоит у дома букинист.

— Прохожий, в книги окунись!

— Для всех служителей искусства

Удешевленно продается

«Путеводитель по беспутству»

И «Руководство по сиротству».

— Вот «Алфавитный указатель

Нас возвышающих обманов».

(Хватает книгу покупатель,

На цену даже и не глянув!)

— Вам нравится изящный слог?

Вам слыть поэтом очень хочется?

Вот вам «Бессонниц каталог»

И «Справочник по одиночеству».

— Заглядывайте чаще, братец,

В «Словарь нелепиц и невнятиц».

— Недавно издана опять

Для тех, кто незнаком с предметом,

Статья «Наука погибать,

Или как сделаться поэтом».

— Берите! Невелик расход!

А приложенья не хотите ль?

«Самоубийство как исход»,

Прекраснейший самоучитель.

— «От литераторских подмостков

До Литераторских мостков» —

Ряд драматических и хлестких
Биографических набросков,
Пособие для новичков.

— Там даже критику найдете,
Читайте все статьи подряд:
Статью «Поэт на эшафоте»,
Статью «Поэт-лауреат».

— И наконец — совет, прощальный:
Читайте пристальней, поэт,
В «Энциклопедии журнальной»
«Классификацию клевет».

Хоть возьми и с тоски угробишься,
Чтоб конец положить опекам.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

Я от нежных забот правительства
Как суконный пиджак повытерся.

Не живи, а всю жизнь готовься
К торжествам олимпийским неким.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

Оказался таким нелепым:
За мечтой волочусь прицепом.

Пирамидищею Хеопса
Шла волна над моим ковчегом.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

По субботам с женой и сыном
Проплываю по магазинам.

С панталыку я сбился вовсе!
Ни звезды над моим ночлегом.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

А во сне я как в звездопаде:
Звезды спереди, звезды сзади!

Неудобство, что человеком,
Человеком я оказался,
Кривосабельным печенегом
В мою полночь кошмар врубался!

Колоссальнейшее неудобство
Человеком быть, а не мопсом!
Ну, а я так в квадрате влопался, —
Быть поэтом — сверхнеудобство!

Говорят, что поэт — поет,
Да не верю я фразам дутым.
Говорю, что поэт — полет
С нераскрывшимся парашютом.

НОВЫЕ СТИХИ

Выходит — ошибся я малость,
Пустым оказался билет.
А мне почему-то казалось,
Что я настоящий поэт.

Я думал, что все вы придете
Расхватывать строк вороха,
Качаться на спаде и взлете,
Вздыхать на ухабах стиха.

Но критик чужого пошиба,
Моих не читающий книг,
Со мной не миндальничал, ибо
В статье заявил напрямик,

Что я неудавшийся лирик,
Что стих мой давно не у дел,
Что ветер сатиры до дырок
Стихи мои все просвистел!

И он, доказательства ради,
Представил фигуру мою —
Как глупо стою на эстраде,
Как руку в пространство сую.

Не первый удар, не последний,
Чего не бывает в пути!
Бывают удары заметней,
Бывают и хуже статьи.

Человек был кроток, тих.
Улыбался за двоих.
А потом вдруг осерчал,
Почернел и отощал.
Стал он пугалом вороньим
И его мы похороним.

Не спеша идут куда-то
По дороге два солдата.
Напевают без забот.
А убьют их через год.
Мне живется очень кисло,
Я ни в чем не вижу смысла.
Смысла нет в моих стихах.
Я пишу их впопыхах.

Неожиданно нагрянув,
Смерть нас гонит, как баранов
На продажу гонят гурт.
Дичь. Нелепица. Абсурд.

Оттого и эта строчка
Обреченностью горда,
Как прощальный взмах платочка
Из вагона в никуда.

Обдало меня время печальной волной.
Я мальчишкою в комнате рос проходной.
За комодом, где спал я, всю ночь надо мной
Занавеска дышала сквозною стеной.

Где-то там, если в прошлое ехать назад,
И трамваи звенят, и деревья шумят,
Гомонят и щебечут родные миры —
Проходные дворы, проходные дворы.

Я и сам оказался такой проходной.
За страну страна пронеслась стороной.
Сколько встреч наносных, поездных, проездных!
Сколько женщин в дороге я знал проходных!

Сколько с вами носился и маялся я,
Проходные враги, проходные друзья!
Сколько громких имен, сколько слав проходных
Довелось повидать на дорогах земных!

Сколько раз мне поэт попадался такой,
Что пройдет с проходною своею строкой,
Потому что сердца задевают едва
Проходные слова, проходные слова...

Негодует, тоскуем, хохочем
И стареем у чайных столов.
Об искусстве шутя, между прочим,
Скажем нехотя несколько слов.

Пусть сравненье покажется грубым, —
Расставаться не хочется с ним:
Разговаривать много не любим
Мы про женщин, с которыми спим.

Разговаривать — критиков дело.
Заприметивши издалека,
Обсуждать начинают умело
Грудь, прическу, колени, бока.

И трезвонят, чтоб было им пусто!
Им легко языками молоть...
Кожей мы ощущаем искусства
Золотую, горячую плоть.

И пускай они пишут и пашут
На просторах газетных полей!
Им оно только ручкой помашет,
Ну, а нам — нарожает детей.

Не надо слов о смерти роковых,
Не надо и улыбочек кривых,
И пошлостей, как пятаки потертых.
Мы — тоненькая пленочка живых
Над темным неизбывным морем мертвых.

Хоть я и обособленно живу, —
Я все же демократ по существу,
И сознаю: я — только единица,
А мертвых — большинство, и к большинству
Необходимо присоединиться.

Ни в строчке хорошей тут дело,
Ни в строчке плохой,
А в том, чтоб душа молодела
От корки сухой,

А в том, чтобы нищенской стайкой
Плеться, облака
Тебе бы как теплой фуфайкой
Согрели бока.

И вовсе неважно, что мало
Ты мир понимал,
Но лужа тебе просияла
Как лунный опал.

Но ветка тебе постучала
В окно поутру,
Но птица тебе одичало
Кричит на ветру,

И ты по вечернему лугу
Идешь холодком,
И дерево машет в дорогу
Зеленым платком.

И что там какие-то тайны —
Секрет мастерства, —
Пусть будут как звезды случайны
Ночные слова,

Пусть падают криво и косо
В овраги стиха, —
Вот так же летят под колеса
Листвы вороха.

Но помни, что с болью, со стоном,
Как грех на духу,
Вот так же слова исступленно
Отдашь ты стиху,

Но помни, что ты настоящий —
Лишь все потеряв,
Что запах острее и слаще
У срезанных трав,

Что всякого горя и смрада
Хлебнешь ты сполна,
Что сломана гроздь винограда
Во имя вина.

Все города похожи на Толедо,
Когда глядишь на них с горы сквозь рощу,
Как будтоходишь в полотно Эль Греко.
Сперва я это в Киеве заметил,
А много лет спустя увидел в Бронксе.
Теперь таким же показался Питсбург.
Таким же ты с горы увидишь город,
В котором я когда-то жил и умер.

Мой друг художник как-то из Толедо
Привез мне связку шпаг миниатюрных,
Которыми берут кусочки сыра:
Толедское изделие для туристов.

Похожие на зубочистки шпаги,
В альбоме репродукции Эль Греко,
В какой-то книжке стены Алькасара —
Вот всё, что мне известно про Толедо.

Но я с Толедо очевидно связан
Домашним чем-то, будничным, привычным,
Как будто половину жизни прожил
Я в городе, который нарисован.

Вон человек идет.
И он зайдет в аптеку.
Понадобился йод
Внезапно человеку.

Всё так и всё не так.
Там в тишине аптечной
В дверях стоит чужак
Трагически беспечный.

И серебро и медь
Уплатит он кассиру,
Чтоб пузырек иметь
И унести в квартиру.

Всё так и всё не так.
Как на большую льдину
Упал луны медяк
В аптечную витрину.

В рассеянности он
Порезал палец в ванной,
Он несколько смущен
Царапиною странной.

Всё так и всё не так,
И где-то в сердце самом
Стучит: тик-так, тик-так, —
То кровь шумит по шрамам.

Он осторожно йод
Накапает на ранку
И бережно заткнет
Он пробочкою склянку.

Всё так и всё не так.
Попробуй, с роком сверься.
Какой-нибудь пустяк —
И разорвется сердце!

И кончится всё так:
Обычным некрологом
О том, как шел чужак
По жизненным дорогам.

Всё так и всё не так.
Всё кончится взрывною
Куда-то в вечный мрак
Катящейся звездой.

Не была моя жизнь неудачей,
Хоть не шел я по красным коврам,
А шагал, как шарманщик бродячий,
По чужим незнакомым дворам.

Только — что бы со мной ни случилось,
А над жизнью моей кочевой
Серафима стоит шестикрылость,
А не дача и сад под Москвой.

Как доходит до славы — мы слабы.
Часто слава бывает бедой.
Да, конечно, не худо бы славы,
Да не хочется славы худой.

Полетать мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру всласть
Перед тем как на русскую полку
Мне когда-нибудь звездно упасть.

НЕЧТО ВРОДЕ СЦЕНАРИЯ

Все держится на принципе простом:
Неважно, за какой берусь предмет —
Высокий или низкий — дело в том,
Какой я на предмет бросаю свет.

Вот телеграфный столб вобью в строку
И лист газетный брошу на панель,
И ветром этот лист проволоку
По улицам за тридевять земель.

А сам пойду плясать вокруг столба,
Иль тихо прислонюсь к нему в тоске.
Кто знает, может быть моя судьба
В том по ветру несущемся листке.

А если мне все это надоест —
Столб вырву, лист газетный подожду,
Могу какой угодно сделать жест,
Совсем без жестов обойтись могу.

Так просто — декорации все снять —
И в черных сукнах ночи я опять.

Я попрошу художника сперва
Подвесить очень низкую звезду,
Чтоб замерцала под звездой трава.
Я по дороге издали иду.

Все ближе подхожу я к фонарю,
Дрожащему у крайнего двора.
Вот подошел и на фонарь смотрю —
Теней и света резкая игра.

Внезапно освещается на миг
Передо мной дорога впереди.
Все сотрясает сумасшедший крик,
Загрохотавший из моей груди.

Немедленно я погасил звезду,
И камнем разбиваю я фонарь.
Я по дороге этой не пойду.
Уже я шел по ней когда-то встарь.

Из глубины всплывает крупный план.
Вверху лицо огромное горит.
Я узнаю себя. Слегка я пьян,
Без галстука, нечесан, непобрит.

Еще мгновенье — и вода везде.
Лицо мне заливают водопад.
Лицо мое теряется в воде.
Потоки мчатся, пенятся, шипят.

Вот девушка, на плоский камень сев,
Босые ноги в воду опустив,
Глядит, как водопад бросает в гнев,
И думает, как в гневе он красив.

Не знаю, как я оказался с ней.
Не слышно слов — кругом шумит вода.
В лесу на водопаде среди камней
Мы, встретившись, простились навсегда.

Я от нее ушел в далекий год.
У города такой печальный вид.
На город бомбу бросил самолет,
И эта бомба всё еще летит.

Но вот упала, всё разворотив,
На полквартила расплескавши дым.
Но это был такой волшебный взрыв,
От взрыва сразу стал я молодым.

А девушка ушла в небытие.
Она тогда еще не родилась.
Еще на свете не было ее
В тот год, как бомба та разорвалась.

Нам вместе молодыми не бывать!
Зачем же ты пришла на водопад?
Зачем же в этой пьесе мы опять,
Где говорят и любят невпопад?

Я режиссера столько раз просил
О том, чтоб мне переменили роль,
А эту исполнять нет больше сил,
Не вынесу я больше эту боль.

Я слышу — песни русские поют,
Поют и пьют стаканами вино,
И крупным планом несколько минут
Мое лицо с боков освещено.

И я слова чужие говорю
И жесты повторяю не свои,
И я тянусь куда-то к фонарю,
Куда-то в водопадные струи,

Куда-то в завтра и в позавчера, —
Я слышал, что игра такая есть:
Во времени проделана дыра,
Чтоб в прошлое и будущее влезть.

Я одновременно и там и тут,
Я существую завтра и давно,
Я слышу — песни русские поют,
Поют и пьют стаканами вино.

И снова режиссера я прошу
О том, чтоб мне переменили роль,
И я вино стаканами глушу
И алкоголем заглушаю боль.

Рулетки завертелось колесо,
И кто-то выкликает номера,
И я по траектории кривой
Лечу из послезавтра во вчера.

И я опять пришел на водопад,
И я опять под фонарем стою,
Я возвратился в прошлое назад,
Я возвратился в молодость мою.

Но иногда мы все-таки вдвоем —
В мечтах, в воспоминаниях и в снах.
В пространстве том же самом мы живем,
Но я и ты — мы в разных временах.

Я по траве светящейся иду,
Свод надо мной натянут голубой.
В Мариенбаде в будущем году
Мы может быть увидимся с тобой.

Нет, не родину страшную я потерял в суматохе
вокзальной, —
Из-под лапищ ее никуда не уйти мне со словом
моим, —
А кусочек пространства, где я на поверхности
мира зеркальной
На рассвете июльского дня отражением плыл
молодым.

В уцелевших просторах моих ветер времени
дует по строчкам,
И я целую жизнь напролет от себя самого
ухожу,
И разбитое зеркало я всё пытаюсь сложить
по кусочкам,
И всё кажется мне, что себя я из этих
кусочков сложу.

Кривая ветвь совсем не за ограду,
А протянулась во вчерашний день
За птицею, которая по саду
Рассыпала рулады дребедень,

За птицей, упорхнувшей в день минувший!..

И сказочно и празднично и страшно,
Как будто мы на части время рвем,
Когда живой кусок из тьмы вчерашней
Выламываем кистью иль пером.

Как будто время трескается с хрустом,
Как будто всё идет наоборот,
И при волшебном фонаре искусства
Из будущего прошлое встает.

Снег столько раз ложился на карнизе
И сколько раз седой была трава,
А вот Наташе на твоём эскизе
Всё те же солнечные двадцать два!

И в юности моей, во время оно,
Когда еще писалось горячо —
В стихах звезда сорвалась с небосклона
И до сих пор летит она еще.

Когда-нибудь из сумрака столовой
Я прямо в твой пейзаж перешагну —
На озеро, где по воде лиловой
Ты чайной розой расплескал луну,

Войду туда, где в бешеном нахлесте
Свящиеся вlepлены мазки.
И непременно ты заглянешь в гости
Когда-нибудь ко мне, в мои стихи.

СЫНУ

Вход в пещеру,
А перед пещерой —
Камень серый,
Заслонный —
Предохранительной мерой.

Тысячелетье спустя
Перед бетонной
Твоею пещерой
Двери навесят, сынок,
И вкрутят замок
Предохранительной мерой.

В двери входя,
Не открывай их оплошно:
Двери — обложки!
Цветут имена на дверях!

И как в морях
За дверьми,
За дверною цепочкой —
Остров семьи
Иль маяк одиночки.

Кто-то
В комнате темной
Сидит с папиросой
У подоконника.
А с карниза
Птичка о чем-то
Господа просит
Тоненько-тоненько.

Если случится
Эту дверь отворить невзначай —
С человеком и птицей
У ночного окна поскучай.

Дети, собаки.
Шумный вечер в семье.
Качается в собственном мраке
Собственный месяц в окне.

Если гостем ночным
Остановишься здесь,
Вместо лампочки им
Ты созвездье привесь.

А собакам лапы пожми,
Потрепли дружелюбно собак,
Чтоб, когда ты стоишь за дверьми,
Они знали б твой голос и шаг.

Только ты не замки,
Не чугунную верность оград, —
А люби сквозняки
И гостей, что пришли невпопад,

И люби тот проем
Голубеющий в раме дверной.
Будет в доме твоём
Собеседник дневной и ночной.

Как им заплатит воля равновесья?
Гумилев

А называют землю Колыма.
(Того убили, тот сошел с ума).

А есть еще другая — Воркута.
(Не сыщешь ни могилы, ни креста).

Под снегом примиряющим России
Вповалку спят чужие и родные.

А где-то в дальних США, за океаном,
Есть кладбище с названием престранным.

Есть кладбище. Животные на нем
В своих могилах спят последним сном.

Вот памятник, заботливой рукою
Воздвигнутый над свинкою морскою.

А вот мемориальная плита
Над прахом незабвенного кота.

А рядом что-то наподобье раки
С останками возлюбленной собаки.

И вот теперь раздумываю здесь я
О гумилевской воле равновесья.

А на уплату равновесья хватит?
Или оно, смеясь над нами, платит

За ужас общей ямы с братской давкой
Плитою намогильною над шавкой?

Опять кругом слезливая зима.
От непрестанно гаснувших снежинок
Стоят как маслом вытерты дома,
Как будто ряд переводных картинок.

На западе — разваренный крахмал
С вишневой растекающейся пеной.
Мне кажется, что Бога замещал
Какой-то пейзажист третьестепенный.

Я с головой почти что в шубу влез,
В калошах, в шапке, с шарфом до колена...
Не пушкинский пророк, не сын небес,
Бряцающий на лире вдохновенно,

А очень неуклюжий человек, —
Весьма несовершенное творенье, —
Шагающий неловко через снег
В очередное сверхстолпотворенье.

У каждого есть множество обид.
Любой из нас — проситель с челобитной.
И, может быть, всех громче говорит
Тот, кто на свете самый беззащитный.

Ты сказал мне, что я под счастливой родился
звездой,

Что судьба набросала на стол мне богатые
яства,

Что я вытянул жребий удачный и славный...
Постой —

Я родился под красно-зловещей звездой
государства!

Я родился под острым присмотром
начальственных глаз.

Я родился под стук озабоченно-скучной печати.

По России катился бессмертного яблочка пляс,

А в такие эпохи рождаются люди некстати.

Я родился при шелесте справок, анкет, паспортов,

В громыхании митингов, съездов, авралов и
слетов,

Я родился под гулкой обвал мировых катастроф,

Когда сходит со сцены культура, свое
отработав.

Только звезды оставь. Разлюбил я торжественный
стиль.

Кто ответит, зачем эти звезды на небо
всходили?

По вселенной куда-то плывет серебристая пыль,
И какое ей дело до нас — человеческой пыли.

Я еще уцелел, еще жизнь мою праздную я
И стою на холодном ветру мирового вокзала,
А звезда, что плыла надо мной — не твоя,
не моя,

Разве только морозный узор на стекле вырезала.

Оттого я на звезды смотреть разучился совсем.

Пусть там что-то сверкает вверху, надо мной
леденя, —

Мне бы дружеский взгляд да очаг человеческий —
чем

Ближе к небу — как Дельвиг говаривал — тем
холоднее.

Я сегодня за широким столом,
Я сегодня у себя в мастерской,
По соседству у меня за углом
Начинается бедлам городской.

Только мне на это всё наплевать,
И мне грохот никакой нипочем!
Я сегодня расставляю опять
Декорации в театре моем.

К дому дерево подвину сперва,
Всё черным оно черно от дождя,
А верхушка — ни жива, ни мертва —
Пусть качается, тоску наводя.

Вдоль по улице пушу я трамвай,
В небе провод протяну навесной —
Ну-ка занавес давай-подымай,
Я на сцене появляюсь ночной.

Мне казалось, что сценарий хорош,
Что я знаю свою роль назубок,
А как в роль эту вживаться начнешь —
Норовишь куда-то вкривь или вбок.

Прихожу я от волнения в раж,
Постановку всю как есть погубя,
Забываю я, что я — персонаж,
И играю самого я себя!

Вон и критик, недовольный игрой,
Сокрушительные громы низверг
И вопит, что настоящий герой
Всей душою порывается вверх!

Под стеклянным я большим колпаком,
В безвоздушном я пространстве повис,
И конечно, в положеньи таком
Непонятно мне, где верх, а где низ.

Не за роль же приниматься опять
И чужую пересказывать страсть,
Когда нечем мне не только дышать,
Но и некуда мне даже упасть.

От стакана на комодe
Отпечатался кружок.
Получилось что-то вроде
Нашей памяти, дружок.

Ах ты спорщик-заговорщик!
На задворках пропадай!
А помрешь — тебя наборщик
Поведег в печатный рай.

Обнаружат, подытожат,
Отутюжат по кускам
И торжественно предложат
Умиляться знатокам.

Но, ценя порядок свято,
Предисловие вклинят
Наподобие салата
Из приправленных цитат.

И пускай покойник ропшет, —
Что там слушать мертвяка!
Время — ловкий полировщик,
И рука его легка!

ПопадетсЯ эта строчка
Прямо критику в капкан,
Не останется кружочка,
Где поставил я стакан.

Я жонглер-скоморох, я циркач,
Я подбрасываю палевый мяч,

Я приплясываю весело вскачь,
Я подбрасываю розовый мяч.

Я ловлю их и бросаю опять,
Как пошли они взлетать и петлять,

И уже их стало в воздухе пять!

Но им жизни захотелось иной,
Стал один из них огромной луной,

Ни за что не опускается вниз,
Между веток удивленно повис.

И другие разлетелись мячи,
Не дозваться их — кричи — не кричи,

Не мячи уже, а в виде ином:
Тот драконом стал, а этот окном.

Хоть один бы мне какой-нибудь мяч,
А из публики кричат: «Не портачь!»

Дескать, прорва есть других циркачей,
Начудил — и поворачивай вспять!

Дескать, прорва есть других циркачей,
И работают они половчей!

Ухвачу я что ни есть под рукой —
Иль тарелку, или обруч какой,

Но работу я не брошу свою,
Представление я снова даю.

Жизнь пора начать сначала,
С самых первых рубежей,
Чтобы счастьем обучало
Сумасшествие стрижей.

Чтоб комочек птичьей плоти
В откровении окна
Перечеркивал в полете
Всё, чем жизнь защищена,

Перечеркивал бы круто
Тихой доли берега,
Успокоенность уюта,
Огражденность очага,

Чтобы сердце закружило
Как на холмище ветряк,
Чтоб пошел скакать по жилам
Шалой крови краковяк,

Чтобы, к ниточке искусства
Прикасающийся чуть,
Мог бы я хрустальной люстрой
Небо звездное качнуть,

Чтобы камнем я низвергся,
Всё на свете позабыв,
В обнаружившийся в сердце
Ослепительный обрыв,

Чтобы так же я низвергся,
Как ты под гору летишь,
Сокращающимся сердцем
Удаляющийся стриж.

Каменоломня старая в цвету.
Зеленая вода в гранитной раме.
Две голые студентки на плоту
Стоят с огромными баграми.

Как этот камень раскален и дик!
Какие райские виденья!
И кажется, что только миг
Остался до грехопаденья.

Какая осень! Что за странность
Ее клокочущая рдяность!

Какою мерой ни отмеривай
Запутанность житья-бытья,
Но и в одном осеннем дереве
Бессонно заблудился я.

Такое взбалмошное! Вот оно
Погодой ветреной измотано!

А сколько там дроздов, запрятанных
За шевелящейся листвою!
А сколько там прорех, заплатанных
Великолепной синевою!

Такое нищенски-кривое,
Ошеломленное на вид,
А вспыхивающей листвою
Заворошит — заморозит!

Закопшится, загорится,
Закружится красным-красно,
Как будто ветром-проходимцем
То дерево подождено!

Так ослепительно и ярко
Оно разбрызгивает свет!
Но из осеннего пожара
Я знаю, — мне дороги нет.

Пока ему еще блистать,
Я вместе с деревом останусь.
Я тоже дереву под стать.
Я тоже осени достанусь.

До небосклона за окном
Какие-нибудь полквартила,
И черной трещиною в нем
Сухое дерево стояло.

И в небо ветками стучась,
Живые души будоража,
Оно и после смерти — часть
Неугомонного пейзажа.

Скрипит, за землю уцепясь
Окаменевшими корнями.
С читателем такую связь
Я ощущаю временами.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО ДОРОГЕ ОТТУДА

Апрель! Я болен этой датой!..	7
Эти облитые кровью...	8
Еще ломаем руки в гневе...	9
О Россия — кромешная тьма...	10
Муза мстит. Всю дневную склоку...	11
Отталкивался дым от папирос...	12
Моя пепельница	13
Как руки — властители клавиш...	15
Чернильница! Досталось и тебе...	16
Октавы	17
В парадном ночь и стужа. В две коптилки...	19
Одеялом завешены стекла...	20
Мы едем. Улицею ли...	21
Скабрезно каркнув, пролетает грач...	22
Все помню об этих ивах...	23
Осунувшись и сгорбясь и унизясь...	24
Камаринская	25
Там небо приблизилось к самой земле...	26
Слова, что камень...	27
Кончается ночь снеговая...	28
Их было много — золотистых ливней...	29
Каштановым конвоем...	30
Уже последний пехотинец пал...	31
Так ненужно, нелепо, случайно...	32
Спят на фасаде даты...	33
Я проходил по улицам чужим...	36
Лужицы, как цинковые миски...	37
От полустанка до полустанка...	38
Ты — подброшенная монета...	39
Кому-то кто-то что-то доказал...	40
Что останется? ржавчина свалок...	41
Бомбы истошный крик...	42

Кто нам солгал, что умерла война?..	44
Луна огибает барак...	45
Над ветлами, над ульями...	46
Уже закаты буйствуют по кленам...	48
Пока не заткнули кляпом...	49
Родина! Мы виделись так мало...	50
Мне девять лет. Я только что с перрона...	51
Сразу же за гаражем...	52
Звезды	53
Видно, дела плохи...	57
Как ночь эта памятна...	58

ОТСВЕТЫ НОЧНЫЕ

Напротив на стене мои соседи...	59
Снова дождь затеял стирку...	60
Мне незнакома горечь ностальгии...	61
Отпускаю в дорогу с Богом!..	62
Вселенная! Так вот твоя изнанка!..	64
Дождь бежал по улицам на цыпочках...	65
Небоскребы упрятались в марево...	66
Нежность видно родилась заикой...	67
Черновик	68
Еще рассвет. Еще туманный хаос...	69
Над мальчишкой крепким и румяным...	70
Я это молчание выбил как пробку...	71
Пятнадцать тысяч ночей...	72
Сколачивали тучи вскладчину...	73
Послушай, я все скажу без утайки...	75
Я вывеску приколотил...	78
В Гринвич Вилидж	80
Напечатай объявление...	82
Знаю, не убьет меня злодей...	83
Реактивный самолет	84
По-ученому не говори...	85
У. вас в глазах то робость...	86
Ветки голы. Месяц тонок...	88
Высунулся во мглу...	89

Месяца светящийся фаянс...	90
Осень, осень — торопливый график...	91
Я помню чайку над заливом...	92
Мой театр ослепительно умер...	93
Я на заре вечерней...	95
Поэма без названья	97
Льдина	104

КОСОЙ ПОЛЕТ

Мой день	111
Хватит слоняться праздно по безднам...	115
Неслышно входит городское лето...	117
Что с деревом делать осенним...	118
Как с трамплина влетают в бассейн...	119
Встал у платформы дымный и шипящий...	120
Я решаю вопрос большой...	121
На Севере и на Юге...	122
Бог восхитился шаром...	123
Я не знаю, где бы выпросить...	125
Завещание	127
Жил Диоген в бочке...	132
Мой город грозный, город грандиозный...	135
Новогоднее	137
Вот мои комнаты, светлые, ясные...	139
Невозвращенец	141
Я с вами проститься едва ли успею...	143
Спрашивал ответа...	145
Я просыпаюсь...	147

ДРАКОН НА КРЫШЕ

Пробивают в асфальте дыру...	149
Вы говорите, якобы...	150
Ответ	151
На луне ни звука...	154
Со дна	156
Гимн цензору	160

Я прыгнул из окна...	163
Я стою под березой двадцатого века...	164
Может быть — мучение...	165
Мы далеки от трагичности...	166
Всем и каждому у нас одна дорожка...	167
Проходил я через зал, через зал...	168
На проспекте сносят дом...	170
Чучелом в огороде...	172
Переезд	175
Я сначала зашел в гардероб...	179
Как только на шахматы брошу я взгляд...	180
Женщина в блеске свечей...	182
Ученый умно втолковывает...	183
Я сегодня прочитал за завтраком...	186
Амнистия	189
Наверное появится заметка...	191
По земле шатаюсь я давно...	192
Дракон на крыше	194
По желобку на потолке...	197
Занавеска над ванной как парус...	198
Бряцающие рифмами орясины!..	200
Мне хочется поговорить о ветке...	201
Листьев взвинченный полет...	203
Всегда откуда-то берется...	205
Строится где-то, строится где-то...	206
Стоит у дома букинист...	207
Хоть возьми и с тоски угробишься...	209

НОВЫЕ СТИХИ

Выходит, ошибся я малость...	211
Человек был кроток, тих...	212
Обдало меня время печальной волной...	213
Негодуюем, тоскуем, хохочем...	214
Не надо слов о смерти роковых...	215
Ни в строчке хорошей тут дело...	216
Все города похожи на Толедо...	218
Вон человек идет...	219

Не была моя жизнь неудачей . . .	221
Нечто вроде сценария	222
В государстве великих разлук . . .	226
Кривая ветвь совсем не за ограду . . .	228
Сыну	230
А называют землю Колыма . . .	232
Опять кругом слезливая зима . . .	233
Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой . . .	234
Я сегодня за широким столом . . .	236
От стакана на комод . . .	238
Я жонглер-скоморох, я циркач . . .	239
Жизнь пора начать сначала . . .	241
Каменоломня старая в цвету . . .	242
Какая осень! Что за странность . . .	243
До небосклона за окном . . .	244

В искусстве, как в большом доме, много всяких помещений от чердака до подвала. Меня тянет в те комнаты, которые выходят окнами на улицу, к людям. Отсюда моя гражданственность, а порою и публицистичность. Искусство для меня не только самовыражение, но и в большой мере общение. Может быть, поэтому я много перевожу. Думаю, что это и есть подлинный культурный обмен. Моя самая крупная работа — перевод эпической поэмы американского поэта Стивена Винсента

«Тело Джона Брауна», перевод, на который ушло около пяти лет.

Сатирический гротеск, смесь фантастического и реального, некоторые черты современного сюрреализма близки мне как поэту. Думаю, что в сердцевине моего творчества — тема разъятости, расколотости, расщепленности современного человека во времени и пространстве. Конечно, за этим стоит „curriculum vitae“, ущербность эмигрантского бытия. Это не тема двойничества, не тема двойственности в одном теле двух душ, а тема разорванности одной души в двух мирах, в двух культурах, в двух пространствах, в прошлом и настоящем.

Большую часть жизни я прожил в Америке. Американский город, как театральная декорация, стал частью моих поэтических постановок. Лирическое переживание не в пейзаже, а в декорациях, в причудливых конструкциях хотя и не враждебного, но все еще чужого для меня мира, сделалось привычным композиционным приемом.

Эту книгу составили стихи из прежних сборников и стихов последних лет.

Иван Елагин

Иван Венедиктович Елагин (настоящая фамилия — Матвеев) родился 1. 12. 1918 г. во Владивостоке. Отец Елагина — поэт-футурист Венедикт Март (Матвеев), дед — журналист, издатель, автор очерков по истории города Владивостока, Николай Петрович Матвеев.